электронный научный журнал

Регионалистика

2019 Том 6 №4

regionalistica.org

В номере:

Развитие регионов прибрежной зоны
Тихоокеанской России

Кировская область как миграционный донор

Зоны экономического развития КНДР

DOI: 10.14530/reg.2019.4

ISSN 2313-0881

Регионалистика

2019 Том 6 № 4

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований

Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.
Свидетельство Эл № ФС77-57151

■ ■ ■ ■
Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.
Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

■ ■ ■ ■
Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор:

А.Н. Демьяненко,

д-р геогр. наук, профессор

проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)

д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)

проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)

д-р социол. наук К.В. Григоричев (Иркутск, Россия)

д-р социол. наук С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)

д-р социол. наук Э.О. Леонтьева (Хабаровск, Россия)

д-р геогр. наук А.В. Мошков (Владивосток, Россия)

д-р экон. наук С.Н. Найденов (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук О.М. Прокапало (заместитель главного
редактора, Хабаровск, Россия)

Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)

канд. экон. наук В.Н. Украинский (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

д-р полит. наук М.Ю. Урнов (Москва, Россия)

д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)

Редакционный совет

Председатель:

П.А. Минакир,

академик РАН

д-р филос. наук Л.Е. Бляхер (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)

чл.-корр. РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)

д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)

д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)

чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)

д-р полит. наук С.В. Севастьянов (Владивосток, Россия)

чл.-корр. РАН В.И. Суслов (Новосибирск, Россия)

д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)

д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА →

Демьяненко А.Н.

Хабаровская агломерация: опыт декомпозиции городского пространства 5

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, ЭССЕ →

*Мошков А.В.*Факторы устойчивого развития территориально-отраслевой структуры
регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России..... 14*Краснопольский Б.Х.*Дальневосточная Арктика: инновационные преобразования
и экономические механизмы рационального природопользования
и социального развития 32*Мотрич Е.Л.*

Дальний Восток России: современная демографическая ситуация 45

Чернышев К.А.

Регион – миграционный донор в пространстве федерального округа 53

*Дёмина Я.В.*Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования
в условиях санкций 64

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF →

Demyanenko A.N.

Khabarovsk Agglomeration: Experience of Urban Space Decomposition.....5

ARTICLES, SURVEYS, ESSAYS →

*Moshkov A.V.*Factors of Sustainable Development of the Territorial and Sectoral Structure
of the Regions in the Coastal Zone of Pacific Russia 14*Krasnopolski B.Kh.*Far Eastern Arctic: Innovative Transformations and Economic Mechanisms
of Environmental Management and Social Development32*Motrich E.L.*

The Far East of Russia: The Current Demographic Situation45

Chernyshev K.A.

Region as a Migration Donor in the Space of Federal District.....53

Dyomina Ya.V.

Economic Development Zones in the DPRK: Prospects under International Sanctions.....64

ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042

DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich

Doctor of geography, professor, chief researcher Economic Research Institute FEB RAS, 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 911.375

**ХАБАРОВСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ:
ОПЫТ ДЕКОМПОЗИЦИИ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

В статье предпринята попытка декомпозиции пространства Хабаровской городской агломерации с использованием инструментария как социально-экономического, так и вернакулярного районирования. Выявлено, что на протяжении своей истории Хабаровск – центр одноименной агломерации – претерпел, как минимум, три волны трансформационных изменений в организации городского пространства. Причём эти изменения городского пространства сопровождались изменением характера и конфигурации как обывденных, так и социально-экономических внутригородских районов.

Хабаровская агломерация, региональная идентичность, социально-территориальная общность, внутригородские районы, вернакулярное районирование

**KHABAROVSK AGGLOMERATION:
EXPERIENCE OF URBAN SPACE
DECOMPOSITION**

The article attempts to decompose the space of the Khabarovsk agglomeration by use of tools of both socio-economic and vernacular regionalization. It has been revealed that throughout its history Khabarovsk as the center of the agglomeration has undergone at least three waves of transformational changes in the organization of urban space. Moreover, these changes in urban space were accompanied by changes in the nature and configuration of both vernacular and socio-economic intra-urban areas.

Khabarovsk agglomeration, regional identity, socio-territorial community, intra-urban areas, vernacular regionalization

Введение

Побудительным мотивом к написанию этой статьи послужили два события. Первым было знакомство с рядом публикаций последних лет, посвящённых вернакулярным районам и вернакулярному районированию [7; 15; 16; 18; 19], чтение которых всякий раз вызывало ощущение: что-то подобное, правда, в другой упаковке, я уже видел. Дело в том, что задолго до появления на российской почве концепции вернакулярных (или, иначе, обыденных) районов проблемы организации социального пространства в городах в том или ином виде привлекали внимание и географов, и социологов, и градостроителей¹.

Во-вторых, вернакулярные районы профигурировали в одной из статей, опубликованных в «Регионалистике»: «С целью повышения качества и достоверности полученных данных в рамках настоящего исследования были выделены наиболее контрастные и семиотически наполненные локации города Хабаровска – вернакулярные или ментальные районы» [21, с. 46]. И так как авторы процитированной выше работы не представили районирования всей территории Хабаровска (ибо такую цель они и не преследовали), то у автора данной статьи возникло желание попытаться продвинуться в этом направлении².

Прежде всего автор посчитал необходимым предложить читателям возможные подходы к исследованию городского пространства Хабаровска и его пригородной зоны. Это, можно сказать, главная цель. Но была и ещё одна цель: показать, что как бы ни были важны и значимы те или иные современные теоретические идеи и инструменты анализа географического пространства, совсем не лишне и обращение к наследию наших предшественников – экономистов социологов и географов.

Что же касается структуры данной статьи, то в немногих словах она такова. Для начала даётся краткий обзор наиболее значимых, по мнению автора, подходов к пониманию природы городского пространства и аналитического инструментария, используемого при исследовании его структуры и динамики. А далее мы перейдём к описанию эволюции городского пространства Хабаровска, выделяя движущие силы каждого этапа этой эволюции.

Некоторые соображения общего характера относительно городского пространства и подходов к его делимитации

Что касается методики исследования, то признаю сразу – она проста и не содержит никаких новаций. Здесь я буду последователем Дж. Джейкобс [5], которая использует методы наблюдения и сравнения³. Естественно, что наблюдение, которое приводит к накоплению вполне определённых фактов, обычно предполагает некоторую программу наблюдений. Таковая сложилась у меня далеко не сразу, да и в настоящее время я не рискну утверждать, что она имеет законченный вид. Можно с достаточной уверенностью сказать только одно: городское пространство, как и любое другое социальное пространство, если у нас есть желание понять и объяснить изменения в его структуре, придётся исследовать по частям, то есть по районам и зонам.

¹ Из того, что было у автора под рукой, можно отметить следующие работы: [1; 3; 11; 12; 13; 14]. Можно вспомнить и более ранние работы, например, [2].

² Правда, в литературе есть упоминание о ещё одном опыте вернакулярного районирования Хабаровска [15]. К сожалению, К.А. Пузанов ограничился лишь указанием на то, что им были проведены полевые исследования, послужившие основанием для вернакулярного районирования Хабаровска, но результаты оно не приведены.

³ Впрочем, здесь можно вспомнить и работу Ш. Зукин [6].

Как известно, районирование может быть самым разным, но нас интересуют те его разновидности, которые имеют непосредственное отношение к организации социального пространства. В последние годы появился ряд публикаций, авторы которых рассматривают региональную идентичность как основу районирования общества¹. В этой связи возникает вполне законный вопрос: а не перебор ли это? Ведь если ещё недавно главными факторами, определяющими районирование общества, были экономические, а сейчас социальные (причём, скажем так, в очень узкой трактовке социального), то, может быть, не стоит возлагать на региональную идентичность, исследование которой, несомненно, важно для понимания структуры социального пространства города (региона, страны)², столь большие надежды.

По нашему мнению, осуществляя районирование общества, следует попытаться найти баланс между параметрами, с одной стороны, описывающими основные подсистемы общества (социальную, экономическую, политическую, духовную), а с другой – описывающими состояние природной среды. Здесь скорее всего прав Л.В. Смирнягин, когда утверждает, что вовлечение новых признаков, прежде всего описывающих культурные, политические и социальные особенности, ведёт к возникновению феномена «плавающего признака». То есть признака, который «то появляется в исследованиях райониста, то исчезает» [17, с. 198]³.

И коль скоро мы остановились на феномене «плавающего признака», то необходимо остановиться, хотя бы кратко, ещё на одном тезисе, сформулированном Л.В. Смирнягиным: тезисе о «безграничном районировании». Этот тезис вовсе не означал отказ от самой процедуры делимитации. Это был своего рода призыв «к резкому занижению значимости этой процедуры для районирования по сравнению с выявлением ядер и районообразующих центров» [17, с. 196].

У Дж. Джекобс в её бестселлере «Смерть и жизнь больших американских городов» есть интересный пассаж, который в присущей этому автору научно-художественной форме даёт представление о роли центра города: «Без сильного и *разностороннего* центра город малопомалу превращается в совокупность изолированных друг от друга интересов. Ни социально, ни культурно, ни экономически он не способен создать чего-либо большего, чем сумма своих составных частей» [5, с. 196–197].

Здесь можно привести и мнение маститого социолога относительно центральности: «Общим местом познания, сознания, социальной практики оказывается *центральность*. Не существует «реальности» без концентрации энергии, без очага или ядра, то есть без диалектического процесса: «центр – периферия», «фокализация – рассеяние», «конденсация – излучение», «объединение – насыщение», «концентрация – распад», «имплозия – взрыв» [10, с. 389].

Применительно к целям нашего исследования это означает, что нет необходимости искать точные границы, причём не только вернакулярных районов, но и социально-экономических.

¹ Наиболее последовательно эта позиция изложена в одной из работ Л.В. Смирнягина [18]. Именно в этой статье мы можем обнаружить параграф с весьма обязывающим названием «Региональная идентичность как основа районирования общества».

² По мнению Л.В. Смирнягина, существуют, как минимум, две области, в рамках которых региональная идентичность имеет огромную практическую ценность. Во-первых, это область политики, во-вторых, область розничной и оптовой торговли (скорее всего, речь идёт о маркетинговых исследованиях) [18].

³ Отметим вслед за Л.В. Смирнягиным, что российские географы начала XX в. не раз отмечали существование феномена такого рода. Но в силу ряда причин, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи, эта идея не получила должного развития, и в немалой степени благодаря работам Л.В. Смирнягина только в последние годы оказалась востребованной.

И вновь приходится констатировать: отечественные географы и экономисты опять-таки начала XX в. в ходе исследования пространственной организации экономики пришли к аналогичным выводам. Так как у нас нет возможности в рамках данной статьи останавливаться на этом сюжете (тем более что авторская позиция подробно была изложена ранее [4]), ограничимся цитатой из работы Б.Н. Книповича: «В спорах о ней [*природе района*] надо различать два вопроса: об установлении точных границ и об объективном существовании района. Что касается до первого ... объективно точных границ установить нельзя. Почти всякая граница, кроме совпадающих с резкими природными рубежами, приблизительно условна. Условность границ говорит нам о невозможности точно установить конфигурацию района, но не о том, что района объективно нет» [9, с. 186].

К вышесказанному относительно районирования как аналитического инструмента исследования городского пространства следует добавить, что районы далеко не всегда делят пространство нацело. Иначе говоря, сетка районов, как правило, содержит лакуны, то есть «промежуток между границами районов первого порядка, в котором находится район второго порядка» [20, с. 13]. Лакуны имеют место на всех иерархических уровнях как экономического, так и социального пространства, и пространство города в этом отношении не исключение.

Последнее, о чём следует упомянуть, завершая наши рассуждения относительно делимитации городского пространства, – о соотношении различных видов районирования. В конечном счёте речь идёт о соотношении понятий «вернакулярный район» и «социально-экономический район». Но прежде целесообразно определиться с тем, что есть «социальное пространство».

Из очень большого разнообразия различных мнений по поводу того, что считать социальным пространством, автор посчитал возможным остановиться на трактовке, предложенной А. Лефевром¹. По мнению этого весьма авторитетного социолога, «социальное пространство – это пространство общества» [10, с. 48]². На первый взгляд, всё необычайно просто. Но, оказывается, термин «социальное пространство» «отсылает к их неисчислимому множеству. Ни одно пространство в ходе роста или развития не исчезает. Всемирное не уничтожает локальное» [10, с. 97]. Более того, **«социальные пространства проникают друг в друга и/или накладываются друг на друга»** [10, с. 97].

Следовательно, социальное пространство города и/или района, страны, экосистемы под названием Земля не только неоднородно, но и иерархично. Более того, отдельные социальные пространства проникают друг в друга. Например, пространство экономическое пронизано для пространства вернакулярных районов.

Ещё один момент, на который следует обратить особое внимание и которым часто пренебрегают при исследовании городского пространства: роль природной среды. Так, по мнению А. Лефевра, социальное пространство имеет не только свою историю, но и «основу, первичный фундамент – природу, то есть природное, или физическое, пространство» [10, с. 392]. И от того, насколько разнообразна структура этого географического пространства, на-

¹ Конечно, здесь следовало бы привести и другие точки зрения на природу социального пространства. Но, во-первых, это бы увело нас слишком далеко от заявленной темы, а во-вторых, знакомство автора с работами П. Бурдьё, Э. Гидденса, Д. Харви, Дж. Урри и некоторых других социологов даёт основание считать, что в общем и целом они разделяют точку зрения А. Лефевра на природу социального пространства.

² Здесь просто невозможно не вспомнить, что некоторые отечественные социологи (например, М.Н. Межевич) и географы (Э.Б. Алаев, Н.Т. Агафонов, Б.С. Хорев) во второй половине 1970-х гг. – середине 1990-х гг. пришли к такому же пониманию социального пространства в рамках концепции территориальной организации общества. Чтобы не быть обвинённым в голословности, приведу только одну цитату из статьи М.Н. Межевича, опубликованной ещё в 1982 г.: «территориальная интерпретация социальной структуры общества, т.е. данного на определённое время состояния его социального развития – ядро понятия “территориальная организация общества”» [12, с. 287].

сколько эта среда агрессивна или благоприятна для жизни и деятельности социума, зависит, в конечном счёте, и структура пространства социального. Конечно, автор знает о «второй природе», созданной человеком, и такая теоретическая конструкция удобна для построения математических моделей в духе НЭГ, но пренебрежение «первой природой», как показывает практика, не очень разумно. И дело здесь не только в том, что стихийные бедствия могут оказать разрушительное воздействие даже на весьма и весьма крупные города (вспомним Новый Орлеан), а мероприятия по устранению последствий стихийных процессов (как и по их предотвращению) требуют затрат, нередко превышающих возможности отдельных городов. Дело ещё и в том, что за вполне обоснованными призывами к охране природы, борьбе с несанкционированными свалками и т.п. как-то забылось, что защиты требуют не отдельно атмосфера, водоёмы, насаждения и т.п., а ландшафты, то есть геосистемы различного уровня. И отказ от рационального использования возможностей не отдельного элемента природной среды, но природных территориальных систем – ландшафтов неизбежно ведёт к потере разнообразия городского пространства¹.

Но как только мы заявляем, что есть желание проследить изменения, в том числе и в организации городского пространства, перед нами возникают, как минимум, две далеко не тривиальные исследовательские задачи. Первая связана с тем, что эволюционные процессы следует исследовать, как и в случае с пространством, по частям, то есть по периодам, а периодизации, которая была бы пригодна на все случаи жизни, не существует. И всякий раз приходится выстраивать периодизацию под конкретные исследовательские цели, учитывая специфику объекта исследования (в данном случае – пространства конкретного города/агломерации).

И если за отправную точку анализа здесь я посчитал возможным взять начало прошлого века, то рубежами основных этапов эволюции послужили середина 1930-х, начало 1960-х и конец 1980-х – начало 1990-х гг. Каждый из этих рубежей связан с радикальными изменениями в структуре городского пространства, которые отражали качественные изменения в движущих силах развития Хабаровска, которые, в свою очередь, были связаны с экономическими, социальными и политическими сдвигами в российском обществе.

Основные этапы и направления трансформации пространственной организации Хабаровска

Естественно, что сложившаяся к настоящему времени Хабаровская агломерация, как и сам её центр – город Хабаровск, является результатом достаточно длительной эволюции.

Начнём с того, что Хабаровск, по дальневосточным меркам, – «исторический город», и он, как и Москва, не сразу строился. И далеко не сразу определилось его место в пространственной организации экономики и в системах расселения Дальнего Востока России. С известной долей условности можно предположить, что после Русско-Японской войны город приобретает вполне определённые черты административного центра, а по завершении строительства Амурской железной дороги – и транспортно-распределительного центра, имеющего общедальневосточное значение. К этому необходимо добавить, что в силу географического положения изначальная функция города как военного поста (базы) только усилилась. Что же

¹ Можно в этой связи вспомнить мнение Б.Н. Книповича: «Только крупные области, выделенные на основе устойчивых естественно-исторических или физико-географических признаков, могут отвечать многим заданиям. Более дробное деление на районы возможно по различным экономическим признакам и может быть проведено лишь в зависимости от тех заданий, которые лежат в основе районирования. Наконец, мелкое внутрирайонное деление может отвечать ещё более подвижным хозяйственным, бытовым, социальным признакам и являться по существу легко изменчивым» [8, с. 29]. Мнение это вовсе не бесспорно, но имеет право на существование.

касается промышленного производства, то таковое на начальном этапе было представлено кирпичным производством, винокурением, мукомольным производством. Наконец, тот факт, что в пределах города был дислоцирован значительный воинский контингент и база Амурской военной флотилии, обусловил создание Арсенала и судоремонтных мастерских.

В свою очередь, рост населения города (как гражданского, так и военного) стимулировал спрос на продукцию сельского хозяйства (овощи, картофель, сено, молоко, мясо), а также лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности не только в пределах городской черты, но и за ней.

Что касается пространственной организации городской среды, то следует признать, что именно к этому времени относится формирование нынешнего городского центра, а также таких элементов городской среды, как военные городки и заводские слободки.

Новый импульс трансформации городской среды был задан формированием промышленного комплекса города. Именно со второй половины 1930-х годов и по начало 1960-х гг. был введён в действие целый ряд промышленных предприятий, определивших как отраслевую структуру экономики¹, так и основные черты организации городского пространства.

Характерная особенность этого периода – массовое формирование заводских слободок, когда при вновь создаваемых промышленных предприятиях формировались своеобразные внутригородские социально-экономические районы. Как правило, они включали (помимо промзоны): центр (главную улицу), преимущественно застроенный двух- и трёхэтажными кирпичными домами («кирдомами»), предназначенными преимущественно для инженерно-технических работников (ИТР), и бараки (как правило, одно-, реже двухэтажные). В середине – конце 1950-х гг. добавились двухэтажные деревянные 4-хквартирные дома – ещё один обязательный элемент заводских слободок. Наконец, ещё один столь же обязательный элемент – территории индивидуальной застройки. «Центр» – это не только место жительства ИТР системообразующего предприятия и специалистов (в том числе и из других сфер деятельности), но сосредоточение таких социально значимых объектов, как заводской Дом культуры, поликлиника, школы, отделение связи, аптека и т.п. Как правило, «центр» – это ещё и место концентрации предприятий розничной торговли и общественного питания.

Здесь будет уместно вспомнить ещё раз А. Лефевра, который полагал, что «вокруг центра выстраивается *структура* (ментального и/или социального) пространства; структура эта всегда временна и, наряду с формой и функцией, входит в определённую практику» [10, с. 389]. И здесь не суть важно, что идёт речь о городе или городском районе, важен сам факт наличия центра. Как правило, когда центр имеет высокий модус, то и сам район, им организуемый, отличается большей выраженностью и устойчивостью.

«Периферия» рассматриваемых социально-экономических районов, как правило, была лишена благ цивилизации, за которыми их жителям следовало отправляться в «центр». Но и периферия была неоднородна: бараки, заселённые по большей части рабочими (хотя и не только), как правило, не имели «приусадебных участков», так как «усадеб» не было. Напротив, жители «частного сектора» имели приусадебные участки, на которых выращивали не только овощи, картофель, но и содержали птицу, коров и свиней, причём излишки нередко шли на рынок. Рынок как место обмена (несмотря на негативное отношение к таковым со стороны властей) был необходимым элементом таких заводских слободок.

¹ Именно в этот период были построены судостроительные заводы, нефтеперерабатывающий завод им. Орджоникидзе, завод им. Горького, Энергомаш, станкостроительный завод. На эти же годы приходится реконструкция Дальдизеля (бывшего Арсенала) и целого ряда предприятий энергетического хозяйства, пищевой и лёгкой промышленности, промышленности строительных материалов и деревообработки.

Возникает законный вопрос: что общего было у жителей этих слободок? Прежде всего, конечно, общность по поселению¹. Совсем не случайно, что жители таких внутригородских районов, независимо от принадлежности к той или иной социальной группе, понимали свою особенность. Показательно, что, будучи формально жителями Хабаровска, свои поездки в центр Хабаровска они обозначали, как «поездка в город». То есть они как бы и жители Хабаровска, но всё-таки не совсем полноценные. Но и для жителей «центра» эти «приезжие» из городских слободок тоже были неровня им, «центральной». При этом, как правило, поездки в «центр» из заводских слободок были приурочены к праздничным и воскресным дням или событиям, имеющим общегородской характер.

Если этот этап эволюции городского пространства предполагал в явном виде доминирование экономических факторов (город стал одним из крупнейших центров обрабатывающей промышленности), то следующий этап в большей степени определялся факторами социального характера.

А именно: с начала 1960-х гг. начинается массовое жилищное строительство, что также привело к радикальным изменениям в организации городского пространства. В частности, появились спальные районы: Первый микрорайон, затем Северный и Южный. Но массовое жилищное строительство привнесло изменения и в облик заводских слободок, так как сопровождалось не только ликвидацией бараков (увы, но не повсеместной; некоторые из них дожили до наших дней), но и изменением характера социальных связей. Если в предшествующий период практически всё рабочее население соответствующей слободки было занято на системообразующем предприятии, то теперь оно стало более разнородным в это отношении. К тому же развитие общественного транспорта повысило мобильность населения; проживание в одном районе и работа в другом стали вполне обычным явлением. Заслуживает упоминания и тот факт, что именно на это период приходится рост числа вузов и расширение приёма в уже имеющиеся институты и средние специальные учебные заведения, что в условиях роста мобильности населения сопровождалось усилением социальных взаимодействий между населением отдельных внутригородских районов.

Что же касается современного этапа эволюции городского пространства Хабаровска и его агломерации, то этот сюжет будет освещён в следующей статье.

Список литературы

1. Агафонов Н.Т., Межевич М.Н., Старинский В.Н. Эволюция региональной среды производства и жизнедеятельности. Л.: ИСЭР АН СССР, 1985. 52 с.
2. Анциферов Н., Анциферова Т. Жизнь города. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1927. 299 с.
3. Демьяненко А.Н. Исследование исторического опыта территориальной организации советского общества в 20-е годы. Л.: ИСЭП АН СССР, 1991. 52 с.
4. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
5. Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов М.: Новое издательство, 2015. 512 с.
6. Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 360 с.

¹ В своё время М.Н. Межевич рассматривал общность по месту поселения как социологическую категорию, которая отражает «связь людей, социальную связь, возникающую как результат этого совместного поселения» [13, с. 49]. А для формирования такого рода общности «необходима вычлененность, та или иная территориальная выраженность экономических, политических, культурных условий. Но эти условия не входят в территориальную общность, ибо она – отношение между людьми «по поводу» этих условий» [13, с. 103].

7. Казакова Г.М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65.
8. Книпович Б.Н. К методологии районирования. М.: Госиздат, 1921. 48 с.
9. Книпович Б.Н. Сельско-хозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925. 192 с.
10. Лefевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
11. Медведков Ю.В. Человек и городская среда. М.: Наука, 1978. 215 с.
12. Межевич М.Н. Социальная проблематика в системе экономической и социальной географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. № 4. С. 281–290.
13. Межевич М.Н. Социальное развитие и город. Л.: Наука, 1979. 175 с.
14. Межевич М.Н. Становление социальной географии: некоторые философские проблемы // Проблемы социальной географии СССР и зарубежных стран. Л., 1985. С. 14–27.
15. Пузанов К.А. Стереотипы внутригородских районов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 2. С. 13–18.
16. Пузанов К. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–38.
17. Смирнягин Л.В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // Проблемы географической реальности. IX сократические чтения. М.: Эслан, 2012. С. 191–200.
18. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира. М. – Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
19. Смирнягин Л.В. Районирование общества: методика и алгоритмы // Общественная география: многообразие и единство. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 55–82.
20. Смирнягин Л.В. Узловые вопросы районирования // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2005. № 1. С. 5–16.
21. Ярулин И.Ф., Гарнага А.Ф. Особенности взаимодействия населения города Хабаровска с городской средой // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 40–50. DOI: 10.14530/reg.2019.1.40

References

1. Agafonov N.T., Mezhevich M.N., Starinsky V.N. *The Evolution of the Regional Environment of Production and Life*. Leningrad, 1985. 52 p.
2. Antsiferov N., Antsiferova T. *Life of the City*. Leningrad, 1927. 299 p. (In Russian)
3. Demyanenko A.N. *A Study of the Historical Experience of the Territorial Organization of Soviet Society in 1920s*. Leningrad, 1991. 52 p.
4. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History. Part I*. Khabarovsk, 2010. 224 p. (In Russian)
5. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. Moscow, 2015. 512 p. (In Russian)
6. Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Moscow, 2019. 360 p. (In Russian)
7. Kazakova G.M. «The Vernacular Area» as Condition for the Intensification of Social Processes. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2017. № 9. Pp. 57–65. (In Russian)
8. Knipovich B.N. *Toward the Methodology of Regionalization*. Moscow, 1921. 48 p. (In Russian)
9. Knipovich B.N. *Agricultural Regionalization*. Moscow, 1925. 192 p. (In Russian)
10. Lefebvre H. *The Production of Space*. Moscow, 2015. 432 p. (In Russian)
11. Medvedkov Yu.V. *Man and Urban Environment*. Moscow, 1978. 215 p. (In Russian)

12. Mezhevich M.N. Social Problems in System of Economical and Social Geography. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society]. 1982. No. 4. Pp. 281–290. (In Russian)
13. Mezhevich M.N. *Social Development and the City*. Leningrad, 1979. 175 p. (In Russian)
14. Mezhevich M.N. The Formation of Social Geography: Some Philosophical Problems. In: *Problems of Social Geography of USSR and Foreign Countries*. Leningrad, 1985. Pp. 14–27. (In Russian)
15. Puzanov K.A. Stereotypes of Intraurban Areas. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 5. Geografia* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2012. No. 2. Pp. 13–18. (In Russian)
16. Puzanov K.A. Territorial Borders of Urban Communities. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2013. No. 3. Pp. 27–38. (In Russian)
17. Smirnyagin L.V. Unlimited Regionalization and Floating Signs as a Means of Cognition of the Geographical Reality. In: *Problems of Geographical Reality. IX Socratic Readings*. Moscow, 2012. Pp. 191–200. (In Russian)
18. Smirnyagin L.V. About Regional Identity. In: *Changing Geography of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2007. Pp. 21–49. (In Russian)
19. Smirnyagin L.V. Regionalization of Society: Methodology and Algorithms. In: *Social Geography: Diversity and Unity*. Moscow – Smolensk, 2011. Pp. 55–82. (In Russian)
20. Smirnyagin L.V. Key Issues of Regionalization. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]. 2005. No. 1. Pp. 5–16. (In Russian)
21. Yarulin I.F., Garnaga A.F. Features of the Interaction of the Population of Khabarovsk City with the Urban Environment. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 40–50. DOI: 10.14530/reg.2019.1.40 (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Демьяненко А.Н. Хабаровская агломерация: опыт декомпозиции городского пространства // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 5–13. DOI: [10.14530/reg.2019.4.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.5)

For citing:

Demyanenko A.N. Khabarovsk Agglomeration: Experience of Urban Space Decomposition. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 5–13. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.4.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.5)

МОШКОВ
Анатолий
Владимирович

Доктор географических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель лаборатории
Тихоокеанский институт
географии ДВО РАН,
ул. Радио, 7, Владивосток,
Россия, 690041

MOSHKOV
Anatoly
Vladimirovich

Doctor of geography, chief
researcher, head of laboratory
Pacific Institute of Geography
FEB RAS,
7, Radio Street, Vladivostok,
Russia, 690041

mavr@tig.dvo.ru

УДК 338 + 911.3

**ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ
СТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ ПРИБРЕЖНОЙ
ЗОНЫ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ**

В работе рассматриваются особенности территориально-отраслевой структуры экономики субъектов РФ, входящих в прибрежную зону Тихоокеанской России. Территориально-отраслевая структура экономики регионов, входящих в «северную» и «южную» социально-экономические подзоны, представлена по видам экономической деятельности. Наблюдаемая структура обусловлена в первую очередь сложившимися территориальными сочетаниями экономико-географических факторов (в первую очередь, природно-ресурсным и демографическим потенциалом, экономико-географическим положением).

Экономико-географические факторы, территориально-отраслевая структура, дальневосточные субъекты РФ, прибрежная зона Тихоокеанской России, структура валового регионального продукта

**FACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF THE TERRITORIAL AND SECTORAL
STRUCTURE OF THE REGIONS
IN THE COASTAL ZONE OF PACIFIC RUSSIA**

The paper considers the features of the territorial and sectoral structure of the economy of the subjects of the Russian Federation which are included into the coastal zone of Pacific Russia. The territorial and sectoral structure of the regions included in «northern» and «southern» socio-economic subzones is presented by kinds of economic activity. Reviewed structure was formed primarily due to the prevailing territorial combinations of economic and geographical factors (primarily by natural resource and demographic potentials, economic and geographical location).

Economic-geographical factors, territorial and sectoral structure, Far Eastern subjects of Russian Federation, coastal zone of Pacific Russia, structure of gross regional product

© Мошков А.В., 2019

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-05-80006.

Введение

Российская Федерация активно включается в международные социально-экономические интеграционные процессы и отношения, развивающиеся в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Природно-ресурсный и производственный потенциал Дальнего Востока России, его уникальное (транзитное) экономико-географическое положение выступают важными факторами формирования здесь устойчивых территориально-отраслевых структур разного ранга.

Неоднородность пространственного распределения избыточных факторов производства определяет разнообразие территориально-отраслевой структуры регионов и экономических центров, особенности товарной структуры экспорта и импорта регионов Дальнего Востока России. В результате действия территориального сочетания экономико-географических факторов выделяется группа дальневосточных субъектов РФ (имеющих выход к морям Тихого океана), которые образуют особую социально-экономическую зону развития Дальнего Востока – прибрежную зону Тихоокеанской России. В пределах прибрежной зоны по уровню социально-экономической освоенности и сочетанию факторов производства выделяются две подзоны – «северная» и «южная», которые различаются достигнутым производственным и демографическим потенциалом и сочетанием экономико-географических факторов. Именно территориальное сочетание благоприятных и негативных факторов в регионах Тихоокеанской России во многом определяет устойчивость их территориально-отраслевой структуры, а также эффективность межрегиональных и международных экономических связей и отношений.

Постановка задачи

Для регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России в качестве благоприятных экономико-географических факторов выступают территориальные сочетания природных ресурсов (топливные, минерально-сырьевые, лесные ресурсы и биоресурсы моря), обеспечивающие функционирование специализированных видов экономической деятельности, в том числе связанных с производством, ориентированным на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Устойчивый рост цен в ресурсном секторе мировой экономики вызывает спрос на продукцию добывающих производств и их опережающее развитие, что в свою очередь требует инфраструктурного обустройства ресурсодобывающих регионов.

В перспективе в ресурсодобывающих регионах, по мнению М.Д. Шарыгина и А.И. Зырянова [34], возможна организация собственных обрабатывающих производств, которые существенно повышают эффективность территориальных социально-географических систем при наличии определённого сочетания благоприятных факторов (в первую очередь спроса на выпускаемую здесь продукцию).

Процессы формирования территориальных структур хозяйства на двух иерархически построенных структурах (отраслевой и территориальной), влияние факторов производства на развитие пространственной экономики страны, в том числе и в виде широтных социально-экономических зон, изучались в работах академика А.Г. Гранберга [14; 15; 35].

Вопросы теории хозяйственного освоения территории, значение экономико-географических факторов при формировании территориальных структур производства рассмотрены в работах Ю.Г. Саушкина [30]. Особенности формирования территориальной структуры хозяйства на региональном и локальном уровнях управления изучались академиком П.Я. Баклановым [2]. Им была проведена оценка сложившихся в Дальневосточном макрорегионе России социально-экономических проблем и выделены предпосылки устойчивого развития [1]. В результате экономико-географического анализа пространственной дифференциации территориальных структур хозяйства Тихоокеанской России П.Я. Баклановым и А.В. Мошковым [4; 5; 6; 7] были

выделены широтные и меридиональные социально-экономические зоны со специфическими факторами и условиями формирования территориально-отраслевых структур. П.Я. Баклановым, А.В. Мошковым и М.Т. Романовым [8; 9; 10] были выделены наиболее благоприятные условия и факторы устойчивого социально-экономического развития региональных и локальных территориально-хозяйственных структур для каждого дальневосточного субъекта РФ, входящего в зону Тихоокеанской России, показаны наиболее устойчивые виды деятельности.

В работах А.В. Мошкова [26; 27; 28] отмечены структурные особенности формирования территориально-отраслевой структуры регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО) России, показана динамика, структурные сдвиги в региональном промышленном производстве.

Вопросы разработки стратегии социально-экономического развития Дальневосточного региона с учётом имеющихся факторов производства и особенностей трансформации отраслевой и территориальной структуры экономики рассматривались в работах академика П.А. Минакира [23; 24; 31].

В работах А.Н. Демьяненко, Д.С. Вишневого и О.М. Прокапало [11; 16; 17; 18] рассматриваются проблемы выделения и изучения экономического пространства, выделяются критерии его дифференциации и целостности, обосновывается важность макроэкономического зонирования как метода регионального стратегического анализа, отмечается важная роль благоприятных факторов – совокупности внутренних детерминант (инвестиционная привлекательность, инфраструктурная обустроенность, природно-ресурсный потенциал и др.), которые в значительной степени обеспечивают экономическую безопасность территории Дальнего Востока России.

Разработанная А. Лёшем [22] теория организации экономического пространства (в частности, им была отмечена связь между экономическими районами и органами государственного управления) послужила основой для разработки современной макроэкономической теории городов и районов.

Важность изучения благоприятных, то есть избыточных (дешёвых) факторов производства и их влияния на международное территориальное разделение труда, на структуру экономики регионов, а также межрайонной и международной торговли отмечалась в работах Э. Хекшера [33] и Б. Олина [29].

В результате действия совокупности благоприятных экономико-географических факторов, с учётом негативных факторов и условий (сложные природно-климатические условия хозяйствования, большая удалённость до потребителей продукции, высокие затраты на инфраструктурное обустройство территории) в прибрежной зоне Тихоокеанской России сформировались две социально-экономические подзоны: «северная» и «южная» [4; 5; 7].

В «северную» подзону входят такие регионы ДВФО, как Магаданская область, Чукотский автономный округ и Камчатский край, где избыточным (благоприятным) фактором производства выступает богатейший природно-ресурсный потенциал территории. При этом отмечается дефицит таких факторов, как капитал (инвестиции), труд (низкая плотность населения, недостаток трудовых ресурсов), слабо развитая инфраструктура и суровые природно-климатические условия, значительно повышающие издержки производства.

В «южную» подзону прибрежной зоны Тихоокеанской России входят следующие регионы ДВФО: Сахалинская область, Приморский и Хабаровский края. В качестве избыточных факторов производства здесь также выступают природно-ресурсный потенциал, а также выгодное экономико-географическое положение относительно ведущих мировых центров Азиатско-Тихоокеанского региона, благоприятные природно-климатические условия хозяйствования. Такое сочетание благоприятных факторов положительно сказывается на инвестиционной привлекательности регионов южной подзоны.

Исходные данные и методы исследования

В качестве исходных материалов использовались данные Федеральной службы государственной статистики, в том числе официальная статистическая информация, отражающая особенности территориально-отраслевой структуры валового регионального продукта в регионах приморской зоны Тихоокеанской России. Кроме этого в работе использованы данные по природно-ресурсному потенциалу в дальневосточных субъектах РФ.

Прибрежная зона Тихоокеанской России занимает важное место в экономике Дальневосточного федерального округа. По состоянию на 2017 г. на регионы прибрежной зоны приходилось 43,6% площади территории ДВФО, 68,7% численности населения, 67,9% производства валового регионального продукта, 68% промышленного производства (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электроэнергией, водоотведение, водоснабжение и пр.), 50,8% производства продукции сельского хозяйства¹.

В совокупности эти показатели характеризуют уровень социально-экономического развития по регионам «северной» и «южной» подзоны Тихоокеанской России, а также роль основных экономико-географических факторов в формировании территориально-отраслевой структуры этих регионов.

Для оценки особенностей влияния основных факторов производства на формирование структуры экономики регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России нами были проанализирован уровень хозяйственной освоенности их территории. В [таблице 1](#) представлены показатели, характеризующие основные экономико-географические факторы: территориальные сочетания природных ресурсов, уровень социально-экономической освоенности территории, экономико-географическое положение, инфраструктурная обустроенность территории.

Таблица 1

Роль основных факторов производства в социально-экономической освоенности регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России (по хозяйственным подзонам) (2017 г.)

Социально-экономические показатели	«Северная» подзона			«Южная» подзона		
	Чукотский автономный округ	Магаданская область	Камчатский край	Сахалинская область	Хабаровский край	Приморский край
Численность постоянного населения, тыс. человек	49,4	144,1	315,5	490,2	1 328,3	1 913,0
Плотность постоянного населения, человек / км ²	0,07	0,3	0,7	5,6	1,7	11,6
Объём валовой добавленной стоимости на душу населения, тыс. рублей (2016 г.)	1 323,2	1006,5	628,1	1 575,6	478,0	382,5
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твёрдым покрытием, км путей на 1 000 км ² территории	1,2	5,5	4,4	25	12	90
Инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах), тыс. рублей	237,3	305,0	117,7	612,7	88,0	65,5

Источники: составлено на основании данных статистических сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2017 и 2018 гг.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. М.: Росстат, 2018.

В регионах прибрежной зоны Тихоокеанской России под воздействием этой совокупности факторов формируется территориально-отраслевая структура, определяется роль видов деятельности в системе межрегионального и международного разделения труда.

Следует отметить, что в «северной» зоне наиболее дефицитным фактором производства является труд (низкая численность постоянного населения и его плотность), для неё также характерна низкая инфраструктурная освоенность территории при сравнительно высоких показателях инвестиционной привлекательности и производства продукции на душу населения. В «южной» зоне – более высокие показатели численности населения, его плотности, высокая транспортная освоенность территории. Роль избыточного (немобильного) фактора производства для всех регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России играет природно-ресурсный потенциал (*табл. 2*). Это в первую очередь такие природные ресурсы, как цветные и драгоценные металлы, лесные ресурсы, биоресурсы моря (рыба и морепродукты) (*рис. 1*).

Таблица 2

Природно-ресурсный потенциал территории в регионах прибрежной зоны Тихоокеанской России (по социально-экономическим подзонам)

Территориальные сочетания природных ресурсов	«Северная» подзона			«Южная» подзона		
	Чукотский автономный округ	Магаданская область	Камчатский край	Сахалинская область	Хабаровский край	Приморский край
Земельные	0	0	+	++	++	++
Лесные	0	+	+	+	++	++
Цветные и драгоценные металлы	++	++	++	++	++	++
Химическое сырьё	0	0	+	+	0	++
Строительные материалы	+	++	++	+	++	++
Нефтегазовые	+	+	++	++	+	0
Уголь	+	+	+	+	+	+
Гидроэнергетические	0	++	+	+	++	+
Рыба и морепродукты	+	+	++	++	+	++
Водные	+	+	+	+	++	+
Гидротермические	0	0	++	++	0	0
Рекреационные	+	++	++	++	++	++

Примечание: + – наличие ресурсов; ++ – наличие больших запасов ресурса; 0 – нет ресурса.

Источники: составлено по [12; 21; 32].

Добыча полезных ископаемых в субъектах Дальневосточного федерального округа, тыс. рублей / км.кв. (2017 г.)

Территориальные сочетания природных ресурсов

1а - руды чёрных металлов, 1в - руды цветных металлов, 1с - редкие и редкоземельные металлы, 2а - драгоценные металлы и камни, 2в - плавиковый шпат, 2с - химическое сырьё (боросиликаты, брусит, природная сера и др.), 3а - природные сорбенты (цеолиты, туфы), 3в - неметаллорудное сырьё (слюда, вермикулит, асбест, тальк, графит и др.), 3с - строительные материалы (песок, глины кирпичные, граниты, базальты), 4а - цементное сырьё, 4в - уголь, 4с - нефть, 1d - природный газ, 2d - лесные ресурсы, 3d - рыба и морепродукты, 4d - земельные ресурсы.

Значение минерально-сырьевых ресурсов

Социально-экономические подзоны Тихоокеанской России

- Ⓘ "северная" (Чукотский автономный округ, Камчатский край, Магаданская область)
- Ⓜ "южная" (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область)

Рис. 1. Территориальные сочетания природных ресурсов регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России [12]

При рассмотрении избыточных и дефицитных факторов производства и их влияния на развитие отраслевой структуры валового регионального продукта в регионах прибрежной зоны Тихоокеанской России хорошо выделяются две социально-экономические подзоны – «северная» и «южная» (*табл. 3*).

Таблица 3

Отраслевая структура валового регионального продукта регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России (2017 г.), %

Виды экономической деятельности	«Северная» подзона			«Южная» подзона		
	Магаданская область	Камчатский край	Чукотский автономный округ	Приморский край	Хабаровский край	Сахалинская область
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,4	3,3	0,5	4,5	5,7	1,0
Рыболовство, рыбоводство	5,3	18,7	0,2	5,4	2,2	5,2
Добыча полезных ископаемых	38,9	7,7	50,1	1,3	5,7	54,0
Обрабатывающие производства	1,7	10,2	0,4	8,8	11,4	2,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,4	6,0	11,3	3,6	4,3	1,4
Строительство	6,2	4,1	5,2	4,8	5,1	6,3
Оптовая и розничная торговля	8,2	8,2	4,7	18,3	15,6	5,6
Гостиницы и рестораны	0,7	1,3	0,2	1,5	1,3	0,6
Транспорт и связь	5,6	6,5	4,4	24,1	20,2	5,1
Финансовая деятельность	0,1	0,1	0,1	0,3	0,3	0,1
Операции с недвижимым имуществом	4,5	5,5	1,1	10,0	9,0	8,9
Государственное управление	9,9	13,9	10,3	6,8	8,2	3,7
Образование	3,8	4,8	4,6	3,1	4,1	1,8
Здравоохранение	5,7	7,6	5,7	5,1	5,3	2,7
Предоставление прочих коммунальных услуг	1,6	2,1	1,2	2,4	1,6	0,8

Источник: составлено на основании данных статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2018 г.

В «северной» социально-экономической подзоне Тихоокеанской России регионы ДВФО (Магаданская область, Чукотский автономный округ, Камчатский край), отличаются высокой долей в валовом региональном продукте промышленных видов экономической деятельности – добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды (*рис. 2*).

Виды экономической деятельности

1 - добыча топливных ресурсов (нефть, газ, уголь), 2 - электроэнергетика, 3 - горно-добывающий комплекс (руды цветных и чёрных металлов), 4 - машиностроение (океаническое), 5 - лесной комплекс, 6 - рыбный комплекс, 7 - сельское хозяйство, 8 - морской транспорт, 9 - рекреация (туризм), 10 - научно-образовательная

Уровень развития экономической деятельности

☐ отсутствует ☐ наличие деятельности ☐ существенное ☐ значительное

I - 1970-е гг. II - начало 2000-х гг. III - 2030 г.

Валовой региональный продукт на душу населения (2017 г.), тыс. рублей

☐ 100 - 500 ☐ 501 - 1000 ☐ более 1000

Социально-экономические подзоны Тихоокеанской России

Ⓘ "северная" (Чукотский автономный округ, Камчатский край, Магаданская область)

Ⓜ "южная" (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область)

Рис. 2. Основные направления экономического развития регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России (с 1970-х по 2030-е гг.) [10; 13]

Во всех субъектах, кроме Камчатской области, доля промышленности намного превосходит долю промышленного производства в валовом региональном продукте, произведённом в Дальневосточном федеральном округе (37,9%) и Российской Федерации в целом (31,9%). Например, на долю промышленности Чукотского автономного округа приходится 57,5% валового регионального продукта, Магаданской области – 39,3%, Камчатского края – 21,7%. В Камчатском крае значительная доля (17%) валового регионального продукта приходится на рыболовство и рыбоводство при среднем значении этого показателя по Дальневосточному федеральному округу в 3,3%, а Российской Федерации – всего 0,3%¹.

Благоприятными факторами в «северной» подзоне прибрежной зоны Тихоокеанской России выступают природные ресурсы – минеральные ресурсы суши и биоресурсы морей. Именно эти факторы обеспечивают добывающим видам деятельности специализированную функцию – участие в межрайонном и международном территориальном разделении труда [13].

В «южной» подзоне Тихоокеанской России отмечается более низкая доля промышленного производства в целом (при более высокой доле обрабатывающих производств). Исключение составляет Сахалинская область, где добыча нефти и природного газа обеспечивает самую высокую среди регионов Дальневосточного федерального округа долю промышленности в структуре валового регионального продукта (62,7%). Кроме этого, в структуре валовой добавленной стоимости отмечается более высокая доля обслуживающих, инфраструктурных видов деятельности. Например, в Приморском крае на долю промышленных видов деятельности приходится всего 11,7% валового регионального продукта, при этом 22,7% – на транспорт и связь, 20,2% – на оптовую и розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования². Схожая ситуация в Хабаровском крае.

Благоприятными факторами, определяющими направление специализации (транспорт и логистика, обрабатывающие производства) в структуре экономики регионов «южной» подзоны Тихоокеанской России, выступают достигнутый научно-производственный потенциал, сравнительно высокая плотность населения, а также транспортная и инфраструктурная освоенность территории, выгодное и во многом уникальное экономико-географическое положение (близость регионов к крупнейшим экономикам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – Китаю, Японии, Республике Корея).

Основные результаты

Одной из особенностей в развитии территориально-отраслевой структуры дальневосточных субъектов РФ может служить преимущественное развитие добывающих видов деятельности, в том числе за счёт их большей инвестиционной привлекательности, наличия стабильных рынков сбыта в странах АТР. При этом отмечается существенное отставание в развитии обслуживающих видов деятельности, что сдерживает формирование в макрорегионе сбалансированной территориально-отраслевой структуры экономики.

Также отмечается низкая доля обрабатывающих видов деятельности в отраслевой структуре добавленной стоимости, слабое развитие инфраструктурных производств. В товарной структуре экспорта в дальневосточных субъектах РФ преобладают сырьё и полуфабрикаты, а в структуре импорта наблюдается высокая доля высокотехнологичной продукции из стран АТР.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2017; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. М.: Росстат, 2018.

² Там же.

Товарная структура экспорта и импорта по дальневосточным субъектам РФ, входящих в прибрежную зону Тихоокеанской России, представлена в [таблице 4](#).

Таблица 4

Товарная структура экспорта и импорта регионов прибрежной зоны
Тихоокеанской России (2017 г.), млн долларов США

Основные товарные группы		«Северная» подзона			«Южная» подзона		
		Магаданская область	Камчатский край	Чукотский автономный округ	Приморский край	Хабаровский край	Сахалинская область
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё	импорт	89,5	659,3	3,9	1 076,2	257,4	659,9
	экспорт	6,8	6,8	–	829,0	30,4	14,2
Продукция топливно-энергетического комплекса	импорт	–	5,7	12,1	617,5	329,2	9 492,1
	экспорт	0,2	0,3	1,1	52,4	15,3	22,3
Продукция химической промышленности, каучук	импорт	–	0,0	0,0	38,9	4,0	1,0
	экспорт	0,6	5,7	18,4	422,5	40,9	60,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	импорт	–	0,0	–	392,6	615,7	0,1
	экспорт	0,6	10,1	0,1	70,4	3,6	3,8
Металлы и изделия из них	импорт	1,4	5,0	–	183,8	67,6	33,7
	экспорт	2,8	5,3	15,2	256,6	45,9	186,2
Машины, оборудование и транспортные средства	импорт	0,0	1,7	1,0	679,9	774,1	386,9
	экспорт	43,0	71,4	23,2	1 604,5	293,8	1 070,4

Источники: составлено на основании данных статистических сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2017–2018 гг.

Наиболее крупные товарные группы в экспорте продукции из регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России: продовольственные товары (в том числе рыба и морепродукты) и сельскохозяйственное сырьё; продукция топливно-энергетического комплекса; древесина и целлюлозно-бумажные изделия; металлы и изделия из них. При этом в регионах «южной» подзоны Тихоокеанской России основной объём экспорта приходится на продовольственные товары (Приморский и Камчатский края, Сахалинская область), древесину (Хабаровский и Приморский края), продукцию топливно-энергетического комплекса (Сахалинская область), металлы и изделия из них (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область). Именно в этих субъектах РФ в наибольшей степени представлены избыточные факторы производства: природные ресурсы – рыба и морепродукты, древесина, нефть и природный газ. Кроме этого, в Приморском и Хабаровском краях расположены основные транспортно-логистические центры, интегрированные в международное разделение труда, – морские порты Находки, Владивостока, Советской Гавани, Ванино и др. В «северной» подзоне Тихоокеанской России

можно отметить в числе наиболее крупных экспортёров продовольственных товаров Камчатский край, что также объясняется наличием здесь избыточного фактора производства (рыбы и морепродуктов).

В свою очередь, основные объёмы импортируемых товаров приходятся на продукцию с высокой добавленной стоимостью (машины, оборудование и транспортные средства; продукцию химической промышленности; металлы и изделия из них). Наибольшие объёмы импорта машин, оборудования и транспортных средств проходят через морские порты Приморского и Хабаровского краёв, Сахалинской области.

Следует отметить, что структура экспорта грузов, проходящих через морские порты Дальнего Востока в 2000-е годы, существенно изменилась по сравнению с 1990-ми годами [19]. После 2011 г. в Японии резко увеличился спрос на традиционное топливо (уголь). В результате доля угля в структуре экспортных грузов, прошедших через морские порты Дальнего Востока в 2015 г., составила 49% (в 2000 г. – только 30%). Однако в структуре экспорта морских портов Дальнего Востока России сохраняется негативная тенденция увеличения доли топлива и сырья (нефть, СПГ, лес, уголь, металлы, химические удобрения). В то время как в морских портах стран Азиатско-Тихоокеанского региона растёт доля высокотехнологичных грузов, а также генеральных и контейнерных грузов.

Особая роль в преодолении этого макроэкономического эффекта принадлежит крупным городам – социально-экономическим и административно-хозяйственным центрам Дальнего Востока России. В городах ДВФО, входящих в прибрежную зону Тихоокеанской России, до 1991 г. отмечался рост такого дефицитного для этой территории фактора, как численность постоянного населения (*табл. 5*).

Таблица 5

Динамика численности населения в основных городах прибрежной зоны
Тихоокеанской России, тыс. человек

Города	1926	1939	1959	1979	2000	2017
«Северная» подзона						
Анадырь	0,2	3,3	5,8	12,2	11,9	15,6
Петропавловск-Камчатский	1,6	35,5	85,5	214,9	194,1	181,2
Магадан	–	27,0	62,2	121,2	121,0	99,7
«Южная» подзона						
Южно-Сахалинск	15,2	28,4	85,5	139,8	179,2	199,0
Хабаровск	52,0	207,0	322,7	527,8	609,4	618,2
Комсомольск-на-Амуре	–	71,0	177,2	263,9	291,6	248,3
Уссурийск	31,4	71,8	104,3	146,7	157,3	197,9
Артём	–	34,9	55,5	68,5	67,0	116,2
Владивосток	98,9	206,4	290,6	549,7	606,2	633,1
Находка	–	–	63,7	133,2	157,7	150,2

Источники: составлено на основании данных статистических сборников «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов» и «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2018 г.

Следует отметить, что в крупных городах «южной» зоны Тихоокеанской России (Владивосток, Хабаровск, Уссурийск, Артём), а также в г. Анадырь («северная» зона) и в 2000-х гг. сохраняются высокие темпы роста численности населения во многом благодаря экономической миграции населения из сельских муниципальных районов в административные и социально-экономические центры дальневосточных субъектов РФ.

В экономических центрах обеих социально-экономических подзон Тихоокеанской России (кроме г. Анадырь и г. Южно-Сахалинск) в структуре отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами отмечается высокая доля обрабатывающих производств (*табл. 6*).

Таблица 6

Структура промышленности по видам экономической деятельности
в городских округах прибрежной зоны Тихоокеанской России (2017 г.), %

Города	Объём отгруженных товаров (всего), млрд рублей	Добыча полезных ископаемых, %	Обрабатывающие производства, %	Обеспечение электроэнергией, газом и паром и т.д., %	Водоснабжение, водоотведение и т.д., %
«Северная» подзона					
Анадырь	20,439	90,6	2,7	6,7	—
Петропавловск-Камчатский	64,684	—	78,0	19,8	2,2
Магадан	17,438	6,9	50,9	39,5	2,7
«Южная» подзона					
Южно-Сахалинск	70,238	52,3	32,9	13,4	1,4
Комсомольск-на-Амуре	137,926	0,1	92,4	6,9	0,6
Хабаровск	97,889	0,5	63,4	32,3	3,8
Уссурийск	19,982	—	82,2	14,2	3,6
Артём	8,754	—	47,5	49,1	3,4
Владивосток	103,497	—	67,9	29,9	2,2
Находка	13,158	—	79,1	18,1	2,8

Источники: составлено на основании данных статистических сборников «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов» и «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2018 г.

Эту особенность экономических центров следует учитывать при оценке перспектив экономического развития регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России с точки зрения обеспеченности благоприятными факторами производства; также следует учитывать особую функцию крупных социально-экономических центров, выступающих своеобразными ядрами, вокруг которых формируются индустриальные округа [22; 25].

Предприятия в этих индустриальных округах, получив статус «территории опережающего развития» (ТОР) и «Свободный порт Владивосток», получают дополнительные преференции и налоговые льготы и за счёт этого могут существенно снижать транзакционные издержки [3; 20; 25]. Формирующиеся в прибрежной зоне Тихоокеанской России ТОР различаются хозяйственной специализацией и особой ролью в территориальном разделении труда, им даётся задача не только максимально использовать имеющиеся избыточные факторы производства (например, сырьё, квалифицированные трудовые ресурсы), но и повышать глубину переработки добываемого сырья (создавать, где для этого есть необходимые условия, обрабатывающие производства).

Благодаря наличию подобных свойств ТОР могут служить важным инструментом регулирования регионального развития. В этом случае налоговые инструменты регионального регулирования оказывают поддержку всем предприятиям территориально-отраслевой структуры ТОР (специализированным, дополнительным, вспомогательным, обслуживающим, инфраструктурным и др.).

В ряде регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России основные виды деятельности в ТОР формируются на базе использования богатейшего и уникального природно-ресурсного потенциала, например, горнопромышленного производства (ТОР «Беринговский», «Камчатка» и др.). Значительный объём производства в этих ТОР связан с созданием обслуживающих производств (производство разнообразных строительных материалов, продуктов питания, туризм и рекреация). Также есть регионы, где основные виды деятельности ТОР связаны с развитием обрабатывающих производств (ТОР «Комсомольский», «Большой Камень» и др.), например, машиностроения (авиастроение, судостроение, деревообработка).

Территориально-отраслевые сочетания предприятий в экономических центрах, расположенных в ТОР, где созданы благоприятные условия для хозяйственной деятельности (в том числе налоговые льготы и преференции для резидентов-инвесторов), выступают в качестве полюсов экономического роста соответствующего региона. По данным АО «Корпорация развития Дальнего Востока», за 2017 г. в рамках ТОР в ДВФО работали 193 резидента, которые обеспечивали занятость 38 162 человек и привлекли 2,132 трлн рублей инвестиций. Лидерами по объёму инвестиций в основной капитал добывающих производств среди регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России выступают Сахалинская область (добыча нефти и природного газа) и Хабаровский край (который лидирует по объёмам инвестиций в обрабатывающие производства (машиностроение)).

На территории регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России можно выделить две группы ТОР: с преобладанием в территориально-отраслевой структуре экономики либо добывающих, либо обрабатывающих производств (с обязательным развитием инфраструктурных видов экономической деятельности, которые могут обеспечить производство экспортной продукции, пользующейся спросом на зарубежных рынках). Разнообразие отраслевой структуры дальневосточных субъектов РФ обеспечивает их устойчивость к колебаниям рыночного спроса, позволяет наиболее полно использовать все имеющиеся благоприятные факторы производства и условия хозяйственного развития.

Примером ТОР со специализацией преимущественно на добывающих производствах можно отнести ТОР «Беринговский» (Чукотский автономный округ, г. Анадырь) и ТОР «Камчатка» (Петропавловск-Камчатский). В ТОР «Беринговский» к отраслям специализации относятся добыча полезных ископаемых (руд цветных и драгоценных металлов, топлива). Вспомогательные и обслуживающие производства – транспорт и логистика, производство строительных материалов, товаров народного потребления. Специализация ТОР «Камчатка»

(Петропавловск-Камчатский) – туризм и рекреация, рыбная промышленность, добыча полезных ископаемых, логистика.

ТОР «Комсомольск» – пример территории с преимущественным развитием обрабатывающих производств. К отраслям специализации относится машиностроение (авиастроение). К вспомогательным видам деятельности относятся производство комплектующих для выпуска воздушных судов, кабельных сетей для авиационной промышленности. К дополнительным специализированным видам деятельности ТОР «Комсомольск» относится деревообработка (производится продукция с высокой добавленной стоимостью для потребителей на зарубежных рынках лесопродукции). Обслуживающие производства – создание и модернизация предприятий по производству потребительских товаров, например, агропромышленного кластера ТОР «Комсомольский».

Выводы

На территории регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России имеются благоприятные экономико-географические факторы (для «северной» подзоны – территориальные сочетания природных ресурсов, «южной» – квалифицированные трудовые ресурсы, достигнутый научно-производственный потенциал, выгодное географическое положение) для их эффективного развития.

Регионы прибрежной зоны Тихоокеанской России имеют следующие особенности территориально-отраслевой структуры экономики: высокую долю добывающих видов деятельности в регионах «северной» подзоны и сравнительно высокую долю обрабатывающих и обслуживающих видов деятельности в регионах «южной» подзоны. Для преодоления сложившихся диспропорций в структуре валовой добавленной стоимости (высокая доля добычи полезных ископаемых) необходимо создание условий ускоренного развития обрабатывающих и инфраструктурных видов экономической деятельности.

С этой целью можно использовать различные инструменты регионального развития, например, разные типы территорий опережающего развития, которые могут формироваться как на базе освоения природных ресурсов, так и на основе имеющегося научно-производственного потенциала, квалифицированных трудовых ресурсов и выгодного экономико-географического положения.

Важнейшую роль при формировании таких территорий играют крупные социально-экономические центры, в которых сосредоточен основной хозяйственный и научно-производственный потенциал дальневосточных субъектов РФ и есть возможности дальнейшего развития производственной и социальной инфраструктуры. Благодаря налоговым льготам и преференциям в ТОР могут формироваться территориально-отраслевые структуры, состоящие из специализированных видов деятельности, выпускающих конкурентоспособную продукцию с высокой добавленной стоимостью. Кроме этого, создаются вспомогательные и обслуживающие производства, которые обеспечивают благоприятные условия для хозяйственной деятельности и жизни населения.

Список литературы

1. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007. 237 с.

3. Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 12–19.
4. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Географическая дифференциация территориальных структур хозяйства в Тихоокеанской России // География и природные ресурсы. 2017. № 1. С. 5–15. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2017-1(5-15)
5. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Инерционность территориальных структур хозяйства в регионах Дальнего Востока // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 2. С. 3–10.
6. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Пространственная дифференциация структуры экономики регионов Арктической зоны России // Экономика региона. 2015. № 1. С. 53–63. DOI: 10.17059/2015-1-5
7. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Структурные трансформации хозяйства в Тихоокеанском регионе России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 46–63. DOI: 10.17059/2016-1-4
8. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 4. С. 83–92.
9. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Географические и геополитические факторы и направления долгосрочного развития Арктической зоны России // Вестник ДВО РАН. 2015. № 2. С. 5–15.
10. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Тихоокеанская Россия: основные факторы и направления долгосрочного развития // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 595–618.
11. Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31. DOI: 10.14530/se.2010.4.006-031
12. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков. Том II. Природопользование / Под ред. П.Я. Бакланова, В.П. Каракина. Владивосток: Наука, 2010. 560 с.
13. Геосистемы Северо-Восточной Азии: особенности их пространственно-временных структур, районирование территории и акватории. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2019. 580 с.
14. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
15. Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 57–81.
16. Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
17. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальневосточного севера // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 3. С. 6–29. DOI: 10.14530/reg.2014.3
18. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 25–32. DOI: 10.14530/reg.2018.5.25
19. Заостровских Е.А. Развитие морского транспорта России и Дальнего Востока в контексте мировых тенденций в 2015 г. // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 90–100.
20. Исаев А.Г. Инструменты политики экономического развития Дальнего Востока в контексте региональной экономической безопасности // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 70–82. DOI: 10.14530/reg.2018.6.70
21. Леонов С.Н., Корсунский Б.Л., Барабаш Е.С. Региональная экономика и управление: экономика Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2007. 176 с.
22. Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. 663 с.

23. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
24. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
25. Мироненко Н.С., Федорченко А.В. Эволюция территориальной структуры промышленного производства в экономически развитых странах в послевоенный период // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 1999. № 6. С. 27–32.
26. Мошков А.В. Динамика современной структуры промышленности субъектов Дальневосточного федерального округа России // Региональные исследования. 2018. № 1. С. 95–107.
27. Мошков А.В. Пространственные особенности формирования территориально-отраслевой структуры субъектов Дальневосточного федерального округа // Проблемы современной экономики. 2018. № 1. С. 127–132.
28. Мошков А.В. Структурные сдвиги в промышленном производстве Тихоокеанских регионов России // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Естественные науки». 2015. № 1. С. 98–106.
29. Олин Б. Межрегиональная и международная торговля // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. С. 174–187.
30. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
31. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / Под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
32. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Под ред. П.Я. Бакланова. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
33. Хекшер Э. Влияние внешней торговли на распределение дохода // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. С. 154–173.
34. Шарыгин М.Д., Зырянов А.И. Ресурсный уровень территориальных социально-географических систем // География и природные ресурсы. 1981. № 4. С. 53–59.
35. Экономика Сибири в разрезе широтных зон / Под ред. А.Г. Гранберга. Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1985. 255 с.

References

1. Baklanov P.Ya. *The Far Eastern Region of Russia: Problems and Prerequisites for Sustainable Development*. Vladivostok, 2001. 144 p. (In Russian)
2. Baklanov P.Ya. *Territorial Structures of the Economy in Regional Management*. Moscow, 2007. 237 p. (In Russian)
3. Baklanov P.Ya. Territory Ahead of the Development: Concept, Structure, Approaches to Identification. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies]. 2014. No. 3. Pp. 12–19. (In Russian)
4. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V. Geographic Differentiation of Territorial Structures of the Economy in Pacific Russia. *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources]. 2017. No. 1. Pp. 5–15. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2017-1(5-15) (In Russian)
5. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V. Persistence of the Territorial Structures of Economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 5. Geografia* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2017. No. 2. Pp. 3–10. (In Russian)
6. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V. Spatial Differentiation of the Structure of the Economies of the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2015. No. 1. Pp. 53–63. DOI: 10.17059/2015-1-5 (In Russian)

7. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V. Structural Transformations of the Economy in the Pacific Region of Russia and Efficiency Trends. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2016. Vol. 12. No. 1. Pp. 46–63. DOI: 10.17059/2016-1-4 (In Russian)
8. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Romanov M.T. Basic Structural Links in the Long-Term Development of the Transport Systems of the Far Eastern Region of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 5. Geografia* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2018. No. 4. Pp. 83–92. (In Russian)
9. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Romanov M.T. Geographical and Geopolitical Factors and Directions of the Long-Term Development of the Arctic Zone of Russia. *Vestnik DVO RAN* [Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2015. No. 2. Pp. 5–15. (In Russian)
10. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Romanov M.T. Pacific Russia: Main Factors and Directions of Long-Term Development. In: *Problems of Geography. Vol. 141: Problems of Regional Development of Russia*. Moscow, 2016. Pp. 595–618. (In Russian)
11. Vishnevskiy D.S., Demyanenko A.N. Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: The Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2010. No. 4. Pp. 6–31. DOI: 10.14530/se.2010.4.006-031. (In Russian)
12. *Geosystems of the Russian Far East at the Turn of the XX–XXI Centuries. Volume II. Natural Resources Management*. Ed. by P.Ya. Baklanov, V.P. Karakin. Vladivostok, 2010. 560 p. (In Russian)
13. *Geosystems of North-East Asia: The Features of Their Spatio-Temporal Structures, Zoning of the Territory and Water Area*. Vladivostok, 2019. 580 p. (In Russian)
14. Granberg A.G. *Fundamentals of the Regional Economics*. Moscow, 2000. 495 p. (In Russian)
15. Granberg A.G. Regional Economy and Regional Science in Russia: Ten Years Later. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2004. No. 1. Pp. 57–81. (In Russian)
16. Demyanenko A.N. *Territorial Organization of the Economy in the Russian Far East*. Vladivostok, 2003. 284 p. (In Russian)
17. Demyanenko A.N., Prokapalo O.M. Economic Space of Far Eastern North. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 3. Pp. 6–29. DOI: 10.14530/reg.2014.3 (In Russian)
18. Demyanenko A.N., Prokapalo O.M. Economic Space of the Russian Far East: Post-Crisis Dynamics and Economic Security. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 5. Pp. 25–32. DOI: 10.14530/reg.2018.5.25 (In Russian)
19. Zaostrovskikh E.A. Development of Maritime Transport in Russia and in the Russian Far East in the Context of Global Trends in 2015. *Regional'nye problemy* [Regional Problems]. 2016. Vol. 19. No. 4. Pp. 90–100. (In Russian)
20. Isaev A.G. Policy Instruments of the Russian Far East Economic Development and Regional Economic Security. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 70–82. DOI: 10.14530/reg.2018.6.70 (In Russian)
21. Leonov S.N., Korsunsky B.L., Barabash E.S. *Regional Economy and Management: The Economy of the Far East*. Vladivostok, 2007. 176 p. (In Russian)
22. Lösch A. *Spatial Organization of the Economy*. Moscow, 2007. 663 p. (In Russian)
23. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Moscow, 2006. 848 p. (In Russian)
24. Minakir P.A., Prokapalo O.M. *Regional Economic Dynamics. The Russian Far East*. Khabarovsk, 2010. 304 p. (In Russian)
25. Mironenko N.S., Fedorchenko A.V. The Evolution of the Territorial Structure of Industrial Production in Economically Developed Countries in the Postwar Period. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 5. Geografia* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 1999. No. 6. Pp. 27–32. (In Russian)
26. Moshkov A.V. Modern Industrial Structure Dynamics in Subjects of the Far Eastern Federal District of Russia. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies]. 2018. No. 1. Pp. 95–107. (In Russian)

27. Moshkov A.V. Spatial Features in Formation of Territorial Branch Structure of Economy in the Far East Federal Okrug of the Russian Federation. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. 2018. No. 1. Pp. 127–132. (In Russian)
28. Moshkov A.V. Structural Shifts in Industrial Production in the Pacific Regions of Russia. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Estestvennye nauki»* [Scholarly Notes of Transbaikal State University. Natural Sciences Series]. 2015. No. 1. Pp. 98–106. (In Russian)
29. Ohlin B. Interregional and International Trade. In: *Milestones of Economic Thought. Vol. 6. International Economics*. Moscow, 2006. Pp. 174–187. (In Russian)
30. Saushkin Yu.G. *Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice*. Moscow, 1973. 559 p. (In Russian)
31. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (In Russian)
32. *Pacific Russia: Pages of the Past, Present, Future*. Ed. by P.Ya. Baklanov. Vladivostok, 2012. 406 p. (In Russian)
33. Heckscher E. The Effects of Foreign Trade on the Distribution of Income. In: *Milestones of Economic Thought. Vol. 6. International Economics*. Moscow, 2006. Pp. 154–173. (In Russian)
34. Sharygin M.D., Zyryanov A.I. The Resource Level of Territorial Socio-Geographical Systems. *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources]. 1981. No. 4. Pp. 53–59. (In Russian)
35. *The Economy of Siberia in the Context of Latitudinal Zones*. Ed. by A.G. Granberg. Novosibirsk, 1985. 255 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Мошков А.В. Факторы устойчивого развития территориально-отраслевой структуры регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 14–31. DOI: [10.14530/reg.2019.4.14](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.14)

For citing:

Moshkov A.V. Factors of Sustainable Development of the Territorial and Sectoral Structure of the Regions in the Coastal Zone of Pacific Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 14–31. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.4.14](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.14)

**КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Борис
Хананович**

Доктор экономических наук,
профессор, главный научный
сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**KRASNOPOLSKI
Boris
Khananovich**

Doctor in economics, professor,
chief researcher

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

boriskrasno@gmail.com

УДК 332.1

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ АРКТИКА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В работе рассматриваются методологические и методические подходы к разработке и реализации инновационных преобразований в удалённых районах Арктики на примере исследования арктических территорий и акваторий Дальнего Востока. Оцениваются действующие механизмы и институциональные структуры инновационной модернизации в изучаемых районах с учётом их региональной и отраслевой специфики. Выявляются возможности получения результатов использования этих моделей, в полной мере отражающих коэволюционный характер взаимодействия основных элементов региональной структуры – природы, человека и социума.

Дальневосточная Арктика, инновационные преобразования, экономические механизмы, рациональное природопользование, социальное развитие

FAR EASTERN ARCTIC: INNOVATIVE TRANSFORMATIONS AND ECONOMIC MECHANISMS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT AND SOCIAL DEVELOPMENT

Discusses the methodological and methodical approaches to the development and implementation of innovative changes in the remote Arctic regions on the example of the study of the Arctic territories and waters of the Far East. Evaluated existing mechanisms and institutional structures for innovative modernization in the studied areas, taking into account their regional and sectoral specificities. Identifies the possibilities of receiving the results of the use of these models, fully reflecting the co-evolution character of connections between the basic elements of a regional structure – man, nature and society.

Far Eastern Arctic, innovative transformations, economic mechanisms, environmental management, social development

Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований РАН «Арктика – научные основы новых технологий освоения, сохранения и развития».

© Краснопольский Б.Х., 2019

Введение

При рассмотрении инновационных преобразований в различных сферах экономики и социальной жизни в различных регионах и странах мира используется методология инновационных циклов и цепочек, отражающих сложившийся уровень инновационных изменений в конкретном объекте и его соответствия передовому технико-технологическому укладу.

В работе С.П. Земцова и В.А. Бариновой [3] даётся сводный анализ изданных статей и монографий, касающихся теории инновационных циклов и цепочек, которые выступают базовыми моделями организации инновационной деятельности в развитии различных предприятий. Сложилось два подхода к пониманию идеи цикла: первый ориентирован на изучение внешней для данного объекта инновационной среды, различных этапов её динамики и механизмов влияния на инновационные преобразования этого объекта, второй – на изучении этапов внутренних инновационных модификаций данного объекта в зависимости от деятельности тех или иных производственных структур (фирмы, предприятия, кластера) вне зависимости от формы собственности – частной или государственной.

В вышеупомянутой работе также даётся характеристика многих теоретических моделей, которые сегодня входят в арсенал организации инновационных технико-технологических преобразований в деятельности различных производственных объектов: линейная модель, модель трансферта технологий, модели эволюционной экономики, модели инновационных самообучающихся систем, модели концепции «тройной спирали», знаниевых экстерналий и географии инноваций и др. Подавляющая часть этих моделей включает механизмы циклического характера инновационной деятельности, от возникновения новой идеи до её реализации в конечный продукт и размещения на рынке готовой продукции.

Не оставляют без внимания инновационную тематику и в зарубежной литературе [13, 14]. С позиций темы данной статьи высокий интерес представляет работа Х. Стивенс и др. [14], посвящённая оценке взаимовлияния инноваций, предпринимательства и экономического роста в старых и отстающих сельских районах, в качестве примера которых авторы рассматривают регион Аппалачей в США. Здесь наибольшую важность они отводят таким факторам, как самозанятость, человеческий капитал, предпринимательское творчество и активность, образование и создание инновационных мини-кластеров.

Но всё-таки всё это в основном касается реализации первичных инновационных разработок в деятельности отраслевых фирм, компаний, других предпринимательских структур с целью их реализации в производственных процессах, их мониторинга и менеджмента от начальных стадий изучения инноваций до их внедрения в производственную практику этих организаций.

В последние годы были опубликованы работы и по инновационным преобразованиям в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), в основном с акцентом на масштабных очагах освоения крупных запасов континентальных и шельфовых энергоресурсов, на развитии нефтедобывающих компаний и связанного с этим формированием энергетической и транспортной инфраструктуры, на развитии Северного морского пути и вспомогательных отраслей на соответствующих территориях и т.д. [1; 11]. В них рассматривались весьма важные для арктических территорий вопросы оживления инновационных преобразований в этой зоне, перевода их освоения на самый современный уровень технико-технологического развития, включая не только чисто производственные отрасли, но и комплекс вспомогательных и социально-обслуживающих видов деятельности.

Ряд работ был посвящён и наиболее удалённым и труднодоступным арктическим территориям нового освоения, особенно в таком проблемном регионе, как дальневосточная окраи-

на российской Арктике, развитие которой, к сожалению, серьёзно отстаёт от западной части АЗРФ [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. В этом восточном секторе в настоящее время цикличность инновационной деятельности зависит в наибольшей степени от её внешних источников и в меньшей степени от инновационных преобразований, продуцируемых за счёт внутренних источников в конкретном регионе. В особенности это касается фундаментальной науки в целом и крупных технико-технологических инноваций в развитии отраслевых инновационных циклов и цепочек, в частности – в области внедрения методов и приёмов рационального природопользования, сохранения природной среды и биоразнообразия, решения других экологических и социальных проблем и т.д., что требует высочайшего уровня научной проработки и локальной концентрации соответствующих институтов и высокопрофессиональных кадров, которые, естественно, находятся далеко за пределами этого удалённого региона.

Инновационные трансформации в удалённых районах АЗРФ

Сама по себе деятельность в инновационной сфере отдалённых арктических регионов, находящихся на первичных стадиях освоения их ресурсного потенциала, будет в основном заключаться не в продуцировании как таковом самих инноваций, а в высоко развитой и эффективной системе их изучения и отбора на внешнем уровне в соответствии с региональными потребностями и последующего их внедрения и мониторинга в конкретной хозяйственной деятельности и организации социальной жизни в данном регионе.

Но что касается внешних источников инновационных преобразований, то, к сожалению, в целом в стране, несмотря на провозглашённый и реализуемый курс на широкое внедрение современных инновационных моделей экономического роста, многими экспертами отмечается весьма низкий для такой страны, как Россия, уровень инновационной активности. Подчёркивается, что на современном этапе экономического развития нельзя говорить о каких-либо крупномасштабных технико-технологических трансформациях в промышленности и других отраслях, в также во многих сферах жизнедеятельности.

Основным стратегическим документом нашей страны в сфере инновационного развития является «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года»¹ (Инновационная стратегия). Эта стратегия предусматривает развитие региональных инновационных систем через повышение эффективности действующих институтов (техничко-внедренческих особых экономических зон, наукоградов, технопарков, инновационных кластеров и др.), а также расширение поддержки в рамках софинансирования из федерального бюджета региональных программ поддержки малого бизнеса. При этом устанавливается более высокий приоритет поддержки тех регионов, которые инвестируют в инновационное развитие.

Отмечая ключевые проблемы в формировании и реализации государственной инновационной политики, Инновационная стратегия указывает на недостаточность усилий региональных и муниципальных властей по улучшению условий для инновационной деятельности. Поэтому повышение эффективности инновационной деятельности, совершенствование институциональной среды и экономических механизмов использования инновационной инфраструктуры предполагается в основном за счёт реализации регионами и муниципальными образованиями инновационной политики с учётом опыта успешных инновационно активных субъектов Российской Федерации.

Но всё это опять-таки касается достаточно развитых и в хозяйственном, и в инновационном плане регионов. Такой подход не может быть применён к удалённым районам АЗРФ, на-

¹ Распоряжение Правительства РФ № 2227-р от 8 декабря 2011 г. «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года».

ходящимся на первичных этапах освоения своего природно-ресурсного потенциала, которые к тому же не имеют, да и не могут иметь какие-то достаточно мощные локальные структуры по активизации инновационной деятельности на их территориях. Они вынуждены мириться с теми отраслевыми инновационными преобразованиями, которые закладываются различными добывающими отраслями в создаваемые ими предприятия на территориях этих регионов. Это значит, что инновационные модернизации в удалённых районах АЗРФ напрямую зависят от отраслевой производственной деятельности, то есть практически отданы на откуп добывающим и другим отраслям производственной сферы.

Но, например, если критически посмотреть на те отраслевые инновационные преобразования, которые используются в развитии добывающей промышленности и ряда вспомогательных отраслей в опорных зонах и территориях опережающего развития (ТОР) Дальневосточной Арктики, то становится понятно, что они всё-таки не являются технико-технологическими и организационными новшествами в данных отраслях самого передового мирового инновационного уровня. Скорее всего, эти отрасли, испытывая во внедрении инноваций в своей сфере в целом по стране ряд финансовых и организационных трудностей, в случае удалённых районов Арктики, видимо, стараются сэкономить на внедрении сверхсовременных и дорогих инновационных технологий в развитие предприятий в этих районах. Если ситуация такова, то это весьма негативно скажется и сегодня, и тем более завтра на уровне развития регионального хозяйства и жизнеобеспечения в целом в таких регионах. В особенности это касается арктических территорий и акваторий Дальнего Востока – Якутии и Чукотки, ведь этот регион является восточным «форпостом» АЗРФ в Тихоокеанской Арктике и выходит на зону Берингова пролива и транграничных связей с таким «мощным» соседом России, как США.

Кстати, что касается этого соседа, то в последние годы весьма оживились исследования американских учёных, которые касаются этого трансграничного с Россией региона и представляющего США в этой зоне штата Аляска. В этих работах обсуждаются и вопросы активизации инновационных трансформаций в хозяйственном и социальном развитии сопредельных территорий США [12, 15], которые, к сожалению, по темпам и масштабам превосходят эти трансформации в дальневосточных районах России.

Жизненный цикл инновационных преобразований и основные инновационные сферы региона

Конечно, подобные вышеуказанным ситуации нужно устранять, в том числе и на уровне таких территорий, находящихся на первичных стадиях освоения природных ресурсов и социального развития. Что касается этих регионов, то здесь должна быть существенно повышена роль такого института развития, как региональная инновационная инфраструктура, которая должна быть способна повысить эффективность решения ряда критичных для данных регионов хозяйственных проблем. Среди этих проблем – слабость производственной и социальной инфраструктуры, недостаточность развития механизмов контроля поддержки и стимулирования инноваций, малого и среднего бизнеса, неэффективность комплексного использования добываемых ресурсов и получения добавочной стоимости, отсутствие заметного прогресса в развитии высокотехнологических производств и процессов не только в отраслях специализации, но и во вспомогательных и обслуживающих отраслях, сохранение серьёзных региональных диспропорций, недостаточный уровень профессиональности кадров в области инновационной политики и др. Действующая в настоящее время инновационная инфраструктура в этих районах, скорее всего, не выполняет своей главной функции по обеспечению бесперебойного и эффективного функционирования полного цикла инновационных цепочек в системе тесно

взаимосвязанных видов деятельности в регионе, причём не только производственных, но и жизнеобеспечивающих.

К этому добавляются и такие слабости региональной инновационной инфраструктуры, как недостаточность бюджетного финансирования и достаточно жёсткого и постоянного административного контроля за выполнением элементами инфраструктуры своих функциональных обязанностей.

К сожалению, это касается развития инновационной инфраструктуры и её институтов не только в районах Дальневосточной Арктики, но и всей Арктической зоне России. В этом плане некоторые авторы отмечают довольно низкий уровень развития научного и инновационного потенциала арктических субъектов Российской Федерации и их малую роль в социально-экономическом развитии всего региона в целом по сравнению со средним уровнем по стране [2].

Если говорить о полном жизненном цикле инновационных преобразований в удалённых районах Арктики, то по смыслу и целям региональных инновационных трансформаций фазы этого цикла должны быть представлены в следующем виде (*рис. 1*).

Рис. 1. Фазы жизненного цикла инновационных преобразований в удалённых регионах Арктики

Основные инновационные сферы, которые должны быть под постоянным контролем инновационных структур региона, могут быть представлены следующим образом (*рис. 2*).

Здесь, как видно, главное заключается в том, чтобы обеспечить планомерное и сбалансированное развитие всех основных составляющих процесса освоения данных регионов, а именно: рациональное использование природных ресурсов территории в интересах страны, включая экологический мониторинг; поддержка здорового физического состояния и образа жизни каждого человека и его адаптации к специфическим климатическим условиям проживания; гармоничное формирование социальной сферы без ущерба потребностям населения в социальной обеспеченности; и, конечно же, комплексное и эффективное развитие экономики и связанное с ним формирование общественной социально-экономической сферы. То есть здесь должна быть соблюдена основная парадигма циклического развития и воспроизводства человеческого сообщества, базирующаяся на сбалансированном коэволюционном функционировании известной «триады» – природа, человек и общество.

Рис. 2. Основные инновационные сферы региона для постоянного контроля в системе инновационной инфраструктуры

Хорошо известно, что инновационная инфраструктура ориентирована на внедрение и полную реализацию инновационно-технологических новшеств и их циклов в хозяйственном развитии конкретных регионов¹. Контроль за её функционированием на региональном уровне зависит от получения постоянно обновляющейся информации. В этом отношении весьма положительно можно оценить тот факт, что в Минобрнауке Российской Федерации несколько лет назад был создан портал «Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем (НИАЦ МИИРИС)», который разработан с целью обеспечения комплексного подхода к мониторингу таких систем в целом по стране². Информационную основу портала составляют данные о состоянии научно-технологического и инновационного комплекса по всем субъектам Российской Федерации.

На данный момент в базе данных портала содержится информация почти о 9 тыс. объектов, составляющих в целом инновационную инфраструктуру страны. Здесь территории опережающего развития (ТОР), федеральные инновационные центры, кластеры, государственные научные центры, бизнес-инкубаторы, технопарки, инжиниринговые центры, промышленные парки, технополисы, наноцентры, технограды, технопарки, наукограды, информационно-аналитические центры, центры поддержки технологий и инноваций, коучинг-центры, бюджетные и венчурные фонды и др.

В этот портал включаются сведения о научном и инновационном потенциале субъектов Российской Федерации, о федеральных и региональных нормативных документах, участниках инновационного процесса и их деятельности, в том числе организациях инновационной инфраструктуры. Кроме того, сведения о научном и инновационном потенциале субъектов Российской Федерации систематически дополняются специальным образом подобранными

¹ Федеральный закон № 127-ФЗ от 23 августа 1996 г. «О науке и государственной научно-технической политике» (в редакции от 3 декабря 2012 г.).

² <http://www.miiiris.ru/>

и обработанными данными Росстата. В целом портал представляет собой агрегированную информационную систему, позволяющую с помощью реализованных здесь же программных средств получать разнообразные сведения об инновационном развитии российских регионов.

Инновационная инфраструктура Дальневосточного арктического региона

Упомянутый выше портал показывает весьма впечатляющую картину в целом по стране. Однако если посмотреть данные по Чукотскому автономному округу, то можно обнаружить следующую картину:

Территория опережающего социально-экономического развития (ТОР)	1
Все остальные показатели базы данных портала	0

Эти данные получены из единственного источника: Постановление Правительства Чукотского автономного округа № 410 от 21 октября 2013 г. «Об утверждении Государственной программы “Стимулирование экономической активности населения Чукотского автономного округа на 2014–2019 годы”» (в редакции от 20 февраля 2017 г.). Что касается данных по разделу «Стратегия научно-технического и инновационного развития (план, программа и т.п.)», то документы по этому разделу отсутствуют.

Сейчас по инициативе некоммерческой организации «Фонд поддержки молодёжи» разрабатывается «Концепция инновационного общественного пространства в г. Анадыре». Но новое креативное инновационное пространство станет местом для неформальных встреч и общения молодёжи в весьма специфической области – обмен знаниями в области блогинга, бизнес-планирования, дизайна, музыки и медиаискусства¹.

По Республике Саха (Якутия) на портале представлены следующие данные:

Территория опережающего социально-экономического развития (ТОР)	1
Кластеры	3
Бизнес инкубаторы	12
Инновационно-технологические центры	1
Технопарки	3
Центры коллективного пользования	4
Информационные центры	1
Инновационные центры	2
Центры трансфера технологий	2
Центры поддержки технологий и инноваций	1
Другое	3
Бюджетные фонды	1
Венчурные фонды	1
Другие финансовые институты	1

¹ <https://www.centeragency.org/ru/projects/84>

В республике существуют организации, ответственные за проведение региональной инновационной политики – Министерство науки и образования и Министерство экономики.

Данные получены из многих источников: из Указа Президента Республики Саха (Якутия) № 953 от 12 октября 2011 г. «О государственной программе Республики Саха (Якутия) “Научно-техническое развитие Республики Саха (Якутия) на 2012–2019 годы”» и более десятка различных законодательных документов и актов региона в сфере научно-технической и инновационной деятельности.

Как видно, в настоящее время в Республике Саха (Якутия) функционирует довольно много различных центров внедрения инноваций и новых технологий. Но, оставляя в стороне чисто отраслевые центры и центры общего пользования для предпринимателей в инновационной деятельности, имеющие в основном ведомственный характер, стоит обратить внимание на те центры, которые могут иметь отношение к комплексным и взаимосвязанным региональным оценкам и реализовывать в полной мере те фазы жизненного цикла инновационных преобразований в регионе, которые представлены на рисунке 1, и держать под постоянным контролем те основные тесно взаимосвязанные инновационные сферы региона, которые представлены на рисунке 2.

Это две организации – Арктический инновационный центр Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) им. М.К. Аммосова¹ и Центр внедрения инновационных технологий Академии наук Республики Саха (Якутия)². Их миссии вполне соответствуют тем задачам, которые стоят перед регионом по изучению передового опыта инновационных преобразований, предлагаемых к реализации как в научной сфере за пределами региона, так и в его собственных научных организациях, а также тех предложений, которые возникают в различного рода инновационных бизнес-инкубаторах, технопарках, кластерах, отраслевых центрах поддержки новых технологий и инноваций и др.

Структура и основные направления деятельности МИТЦ

В связи с тем, что состав инновационной инфраструктуры в Республике Саха (Якутия) выглядит гораздо более внушительно по сравнению с Чукотским автономным округом, если говорить в целом об арктическом регионе Дальнего Востока, возникает предложение по созданию единого Межрегионального инновационно-технологического центра (МИТЦ), базирующегося в основном на созданной и достаточно развитой системе инновационной инфраструктуры Республики Саха (Якутия) с основной базой в Якутске и с филиалом в Анадыре.

Конечно, непосредственно северо-арктическими районами Якутии являются её тринадцать высокоширотных улусов, в которых, естественно, нет соответствующих мощностей инновационной инфраструктуры. В этом отношении они практически находятся в такой же ситуации, как и Чукотский автономный округ. То есть все эти северо-арктические территории и акватории Дальнего Востока сами по себе не в состоянии вести каждодневную и высокопрофессиональную работу по изучению инновационных достижений в развитии страны для их отбора и адаптации к региональным потребностям. И именно эти функции должен взять на себя МИТЦ, учитывая, что данные арктические районы Дальнего Востока имеют весьма близкую специализацию по добыче природных ресурсов и весьма схожие задачи по обеспечению энергией, развитию транспортных коммуникаций и расширению портовой инфраструктуры, организации северного завоза, решению однотипных экологических задач, логистическо-

¹ <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/vspomogatelnye-podrazdeleniya/aic/>

² <http://science.ykt.ru/index.php?do=cat&category=diit>

му обеспечению хозяйства, продовольственному снабжению, формированию рациональной системы жизнедеятельности и жизнеобеспечения пришлого и коренного населения Севера и т.д. и т.п.

В этой связи инновационная инфраструктура региона в виде МИТЦ может быть представлена следующим образом (рис. 3).

Рис. 3. Инновационная инфраструктура Дальневосточной Арктики – Межрегиональный инновационно-технологический центр (МИТЦ)

Безусловно, все мероприятия МИТЦ требуют соответствующего финансирования и прямой организационной поддержки как федеральных, так и региональных административных структур, что может быть реализовано прежде всего на базе межрегионального межбюджетного сотрудничества между Якутией и Чукоткой. Конечно, все перечисленные выше инновационные сферы должны быть в центре внимания МИТЦ, но в условиях определённого дефицита средств для обеспечения полноценной работы центра нужно выделить ряд приоритетных направлений по сокращению разрыва в уровне их инновационного развития в данном регионе. Здесь, видимо, нужно сосредоточить внимание именно на ряде наиболее проблемных вспомогательных видов деятельности, оставляя пока в стороне инновационные модификации в основных добывающих отраслях экономики, так как влияние на них МИТЦ в ближайшее вре-

мя вряд ли возможно. Здесь решения уже приняты в соответствующих правительственных инстанциях и будут реализованы.

Также это касается и ряда крупных федеральных проектов, например, в энергетике. Как известно, в конце 2017 г. правительство разработало общую схему реконструкции и финансирования перестройки энергосистемы Чаун-Билибинского узла на западе Чукотки, граничащем с Якутией. Её серьёзные изменения связаны с закрытием Билибинской АЭС (48 МВт, первый блок из четырёх должен быть выведен из эксплуатации в 2019 г., остальные – в течение 10 лет). Замещать эту АЭС до 2021 г. планируется дизельными ТЭС (ДЭС) на 24 МВт и котельной в Билибино. Кроме этого запланированы две ЛЭП 110 кВ до Певека, где в конце 2019 г. должна быть установлена плавучая АЭС (ПАТЭС) на 70 МВт. Этот вопрос уже решён и находится в стадии реализации. Кстати, использование установленных мощностей ПАТЭС предполагается и в соседних районах Республики Саха (Якутия), что значительно усилит интеграцию северо-арктических территорий – Чукотки и Якутии – в пространственном развитии хозяйства всего региона Дальневосточной Арктики.

Ключевыми направлениями деятельности МИТЦ на первых этапах функционирования этого центра также, видимо, должны стать: инновации в сфере альтернативных источников энергии для специфических нужд региона; развитие речного, морского и дорожного транспорта в части логистического обеспечения потребностей территории; природо-сберегающие технологии и механизмы экологического контроля в недропользовании, в перерабатывающих отраслях, в агропромышленном комплексе и лесном хозяйстве; контроль в целом за сохранением экологической среды обитания; деятельность в сфере социального обеспечения пришло-го населения (питание, здравоохранение, образование, культура и др.); привлечение в инновационную сферу резерва, связанного с деятельностью малых и средних фирм; традиционные и новые специфические формы организации хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера и их социального обеспечения.

Отдельное внимание должно быть уделено комплексным проблемам пространственной организации среды жизнедеятельности населения Арктической зоны Дальнего Востока и развития адаптированных к данной географической зоне систем расселения и опорных моногородов, формирования градообразующих предприятий как очаговых центров локализации системы расселения.

Вообще, главной отличительной особенностью МИТЦ этой зоны должна стать комплексная оценка результатов исследований технического, естественно-научного и гуманитарного направлений в плане возможного их использования в регионе, что позволит создать действительно взаимосвязанное представление о возможностях использования новейших инновационных преобразований во всех сферах этого восточного сектора АЗРФ.

Заключение

В заключение данной статьи, конечно, нужно подчеркнуть весьма непростую ситуацию с практической реализацией предлагаемых структурных преобразований в области инновационных трансформаций в исследуемом регионе. Создание единой межрегиональной структуры в виде МИТЦ вполне оправдано и с научных, и с практических позиций и отвечает тенденциям концентрации и повышения эффективности небольших резервов интеллектуального труда в исследуемых районах, но практическая реализация этого предложения может вызвать ряд трудностей.

И главное здесь – это межрегиональные и межведомственные барьеры, которые естественно возникают в связи с раздельным существованием этих двух самостоятельных субъек-

тов РФ – Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа. Сама по себе процедура управления этими территориями из центра, специфические межбюджетные отношения центра с этими территориями, обладающими статусом национальных автономий, может вызывать различные трудности в организации и деятельности МИТЦ.

Кроме этого, исполнение весьма сложных функций МИТЦ требует высочайшей квалификации его сотрудников, которые одновременно должны быть компетентны и в научных областях инновационных преобразований мирового и национального уровня, и в конкретной практической деятельности подконтрольного им региона в области природно-хозяйственного и социального развития. Именно поэтому предполагается, как отмечено на рисунке 3, использование в работе МИТЦ научных кадров исследовательских подразделений Академии наук Республики Саха (Якутия) и СВФУ в Якутске, которые сегодня уже участвуют в работе своих ведомственных инновационных центров. Но эти центры действуют сейчас довольно разрозненно, они не объединены в единое подразделение не только организационно, но и в предметной области, сосредоточены в основном на проблемах Якутии, не охватывают весьма схожие проблемы Чукотки, хотя имеют такие возможности. В работе этих центров есть повторы и противоречивые результаты, но все вопросы по предметному согласованию работы специалистов вполне могут быть решены в рамках МИТЦ, что принесёт огромную пользу для исследуемого региона – Дальневосточной Арктики.

Список литературы

1. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. В.В. Ивантера. СПб.: Наука, 2016. 1040 с.
2. Деттер Г.Ф. Институты развития научного и инновационного потенциала арктических субъектов Российской Федерации и их роль в социально-экономическом развитии региона // Инновации. 2014. № 7. С. 69–80.
3. Земцов С.П., Баринова В.А. Инновационный цикл как базовая модель динамики и организации инновационной деятельности. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/295672174_Innovacionnyj_cikl_kak_bazovaa_model_dinamiki_i_organizacii_innovacionnoj_deatelnosti (дата обращения: 10.05.2019).
4. Краснопольский Б.Х. Дальневосточная Арктика: междисциплинарные, межрегиональные, международные исследования и устойчивость развития региона // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2018. № 1. С. 22–29.
5. Краснопольский Б.Х. Инновационно-технологическая инфраструктура и государственно-частное партнерство в развитии Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 7. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 379–384.
6. Краснопольский Б.Х. Инфраструктура Арктики: новые вызовы, новые подходы и решения // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Апатиты, 14–16 апреля 2016 г.). Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. С. 80–85.
7. Краснопольский Б.Х. Синергетический подход к системной модернизации и инновационно-технологическому развитию пространственных образований АТР // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 8. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 254–258.
8. Краснопольский Б.Х. Тихоокеанская Арктика: современное состояние и возможные направления развития // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 29–39. DOI: 10.14530/reg.2017.4
9. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х. Экономические механизмы внедрения новых технологий ра-

ционального использования арктических ресурсов // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 12–24. DOI: 10.14530/reg.2018.5.12

10. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н. Исследования по проблемам развития Дальневосточной Арктики: экономические аспекты // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 4. С. 6–19. DOI: 10.14530/reg.2016.4

11. Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы / Под ред. Б.Н. Порфирьева. М.: Научный консультант, 2018. 802 с.

12. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // *Ocean Development & International Law*. 2016. Vol. 47. No. 2. Pp. 186–217.

13. Cai Y., Pugh R., Cui L. A Framework for Analyzing the Role of Innovation Policy in Regional Innovation System Development // *International Journal of Innovation and Regional Development*. 2017. Vol. 7. No. 4. Pp. 237–256. DOI: 10.1504/IJIRD.2017.086192

14. Stephens H.M., Partridge M.D., Faggian A. Innovation, Entrepreneurship and Economic Growth in Lagging Regions // *Regional Science*. 2013. Vol. 53. No. 5. Pp. 778–812. DOI: 10.1111/jors.12019

15. Woodgate R., Peralta-Ferriz C. The Pacific Gateway to the Arctic: Recent Change in the Bering Strait – Observations, Driving and Implications. URL: psc.apl.washington.edu/HLD/Bstrait/Woodgate_BeringStrait_ASOF_Apr2018Final.pdf (дата обращения: 10.05.2019).

References

1. *Arctic Space of Russia in XXI Century: Development, Organization of Management*. Ed. by V.V. Ivanter. S.-Petersburg, 2016. 1040 p. (In Russian)

2. Detter G.F. Institutes of Development of Scientific and Innovation Potential of the Arctic Regions of the Russian Federation and Their Role in the Socio-Economic Development of the Region. *Innovatsii* [Innovation]. 2014. No. 7. Pp. 69–80. (In Russian)

3. Zemtsov S.P., Barinova V.A. *Innovation Cycle as the Basic Model of Dynamics and Organization of Innovation Activity*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/295672174_Innovacionnyj_cikl_kak_bazovaa_model_dinamiki_i_organizacii_innovacionnoj_deatelnosti (accessed 10 May 2019). (In Russian)

4. Krasnopol'ski B.Kh. Far-Eastern Arctic: Interdisciplinary, Interregional, International Researches and the Sustainability of Development of the Region. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya «Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya»* [Vestnik of North-Eastern Federal University Named after M.K. Ammosov. Series «Economics. Sociology. Culturology»]. 2018. No. 1. Pp. 22–29. (In Russian)

5. Krasnopol'ski B.Kh. Innovative-Technological Infrastructure and Public-Private Partnership in the Development of the Far-East and North-East Asia. In: *Russia: Trends and Prospects. Issue 7. Part 1*. Moscow, 2012. Pp. 379–384. (In Russian)

6. Krasnopol'ski B.Kh. Arctic Infrastructure: New Challenges, New Approaches, New Decisions. In: *The North and the Arctic in the New Global Development Paradigm. Luzin Readings – 2016: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (Apatity, April 14–16, 2016)*. Apatity, 2016. Pp. 80–85. (In Russian)

7. Krasnopol'ski B.Kh. A Synergetic Approach to System Modernization, Innovation and Technological Development of Spatial Formations of the Asia-Pacific Region. In: *Russia: Trends and Prospects. Issue 8. Part 1*. Moscow, 2013. Pp. 254–258. (In Russian)

8. Krasnopol'ski B.Kh. Pacific Arctic: Current Status and Possible Directions for Development. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 29–39. DOI: 10.14530/reg.2017.4 (In Russian)

9. Minakir P.A., Krasnopol'ski B.Kh. Economic Mechanisms of Introduction of New Technologies for Rational Use of Arctic Resources. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 5. Pp. 12–24. DOI: 10.14530/reg.2018.5.12 (In Russian)
10. Minakir P.A., Krasnopol'ski B.Kh., Leonov S.N. Studies on the Problems of Development of the Far Eastern Arctic: Economic Aspects. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 4. Pp. 6–19. DOI: 10.14530/reg.2016.4 (In Russian)
11. *Socio-Economic Problems of the Russian Arctic in the Researches of Institutes of the Russian Academy of Sciences: History, Present, Prospects*. Ed. by B.N. Porfiriev. Moscow, 2018. 802 p. (In Russian)
12. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options. *Ocean Development & International Law*. 2016. Vol. 47. No. 2. Pp. 186–217.
13. Cai Y., Pugh R., Cui L. A Framework for Analyzing the Role of Innovation Policy in Regional Innovation System Development. *International Journal of Innovation and Regional Development*. 2017. Vol. 7. No. 4. Pp. 237–256. DOI: 10.1504/IJIRD.2017.086192
14. H.M., Partridge M.D., Faggian A. Innovation, Entrepreneurship and Economic Growth in Lagging Regions. *Regional Science*. 2013. Vol. 53. No. 5. Pp. 778–812. DOI: 10.1111/jors.12019
15. Woodgate R., Peralta-Ferriz C. *The Pacific Gateway to the Arctic: Recent Change in the Bering Strait – Observations, Driving and Implications*. Available at: psc.apl.washington.edu/HLD/Bstrait/Woodgate_BeringStrait_ASOF_Apr2018Final.pdf (accessed 10 May 2019).

■ ■ ■
Для цитирования:

Краснопольский Б.Х. Дальневосточная Арктика: инновационные преобразования и экономические механизмы рационального природопользования и социального развития // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 32–44. DOI: [10.14530/reg.2019.4.32](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.32)

For citing:

Krasnopol'ski B.Kh. Far Eastern Arctic: Innovative Transformations and Economic Mechanisms of Environmental Management and Social Development. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 32–44. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.4.32](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.32)

**МОТРИЧ
Екатерина
Леонидовна**

Доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**MOTRICH
Ekaterina
Leonidovna**

Doctor of economics, leading
researcher
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

motrich@ecrin.ru

УДК 331.101.26 (571.6)

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Статья посвящена проблемам в формировании населения на Дальнем Востоке России. В ней рассматриваются возможные риски для достижения численности населения в соответствии с принятой в 2017 г. Концепцией демографической политики на Дальнем Востоке, а также обосновывается необходимость закрепления населения. В заключении статьи сформулированы предложения, которые могут способствовать привлечению населения на Дальний Восток и его закреплению.

Население, естественное движение, миграция, возрастная структура, продолжительность жизни, макрорегион, Россия, Дальний Восток, концепция

THE FAR EAST OF RUSSIA: THE CURRENT DEMOGRAPHIC SITUATION

The article is devoted to the problems in the formation of the population in the Far East of Russia. It discusses the possible risks in achieving the population in accordance with the Concept of demographic policy in the Far East adopted in 2017; the need to consolidate the population is justified. In conclusion, the article formulates proposals that can help to attract people to the Far East and consolidate it.

Population, natural movement, migration, age structure, life expectancy, macroregion, Russia, Far East, concept

В современных социально-экономических условиях необходимо поддерживать на Дальнем Востоке России оптимальные пропорции между демографическим производством и экономическим воспроизводством, поскольку макрорегиону, имеющему стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и целостности страны, отведены стратегические приоритеты в государственной политике Российской Федерации. В этих условиях необходимо иметь представление о проблемах в формировании численности и состава населения – естественного движения, привлечения и закрепления, о системе потребностей, лежащих в основе миграционной подвижности и определяющих либо устойчивое отношение к проживанию на данной территории, либо «отсев» неприжившихся новосёлов. В научной литературе по проблемам регионального демографического развития появляется достаточно много работ, в которых показано влияние проводимых государством специальных мер, влияющих на естественное воспроизводство населения (повышение рождаемости, сокращение смертности и др.) и регулирование миграционных потоков [1; 4; 5; 6; 11; 14].

Демографические процессы на Дальнем Востоке России в течение всего периода его социально-экономического развития отличались сложностью и нестабильностью. В связи с этим освоение и заселение дальневосточных территорий – важных с геополитических и стратегических позиций – вызывало постоянную озабоченность российского государства. На начало 1991 г. на территории Дальнего Востока было зарегистрировано максимальное значение численности населения – 8 056,6 тыс. человек. В последующие годы число жителей стало стабильно уменьшаться [12] из-за миграционного оттока, впервые зарегистрированного в 1989 г., и появившейся с 1993 г. естественной убыли. На 1 января 2019 г. на Дальнем Востоке было зарегистрировано 6 140,3 тыс. человек¹. За 1991–2018 гг. Дальневосточный регион потерял 1 916,3 тыс. человек – 23,8% своего населения, то есть более чем каждого пятого жителя, и оказался в числе «лидеров» по сокращению численности населения среди федеральных округов России. Сокращение численности населения произошло буквально во всех дальневосточных субъектах РФ. Значительные потери из числа южных субъектов понесли Амурская область и Еврейская автономная область. Но наибольшие потери произошли в северных территориях макрорегиона, что обусловлено потерей стимулирующей роли установленных государственных льгот и надбавок к заработной плате, обеспечивавших прежде достаточно высокий уровень жизни (*табл. 1*).

Общепринятыми детерминантами демографического поведения являются особенности воспроизводства населения, определяемые показателями рождаемости, смертности, продолжительности жизни и мобильностью населения.

Естественный прирост населения на Дальнем Востоке России многие годы играл существенную роль в увеличении его численности. Но воздействие данного источника на динамику населения в постсоветский период стало отрицательным, за исключением периода 2012–2016 гг. Имеющиеся расчёты предположительной численности населения показывают, что такой характер естественного воспроизводства населения в макрорегионе сохранится в ближайшем будущем, что, безусловно, отразится на достижении показателей демографического развития, заложенных в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года² (*табл. 2*).

¹ <https://realnoevremya.ru/attachments/1043>; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. Стат. бюлл. / Госкомстат России. М., 1992. С. 13.

² Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ № 1298-р от 20 июня 2017 г.).

Таблица 1

Численность населения в регионах Дальнего Востока (на начало года), тыс. человек

Территория	1991	2019	Изменение численности	
			абсолютное	в процентах
Республика Саха (Якутия)	1 108,6	967,5	–141,1	–13,8
Камчатский край	472,8	314,9	–157,9	–33,4
Приморский край	2 299,6	1 903,3	–396,3	–16,8
Хабаровский край	1 619,7	1 321,4	–298,3	–17,2
Амурская область	1 073,7	793,6	–280,1	–26,1
Магаданская область	384,5	141,0	–243,5	–63,7
Сахалинская область	717,5	489,4	–228,1	–31,8
Еврейская автономная область	231,0	160,0	–71,0	–30,8
Чукотский автономный округ	149,2	49,2	–100,0	–67,0
Дальний Восток, всего	8 056,6	6 140,3	–1 916,3	–23,8

Источники: <https://realnoevremya.ru/attachments/1043>; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. Стат. бюлл. / Госкомстат России. М., 1992. С. 13.

Таблица 2

Демографические показатели Дальнего Востока России, тыс. человек

Показатели	1991	1995	2010	2015	2016	2017	2020*	2025*
Родившиеся	110,0	77,3	83,3	86,5	82,6	74,6	68,3	62,9
Умершие	68,8	95,2	86,8	77,4	77,5	74,9	74,4	73,8
Естественный прирост, убыль	41,2	–17,9	–3,5	8,1	5,0	–0,3	–6,1	–10,9
Коэффициент рождаемости, ‰	13,7	10,2	13,2	13,9	13,3	12,1	11,1	10,4
Коэффициент смертности, ‰	8,6	12,8	13,8	12,6	12,8	12,1	12,1	12,2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (оба пола), лет	67,1	62,3	65,8	68,9	69,2	70,1	70,72	72,43

Примечание: * – средний вариант прогноза.

Источники: Дальневосточный федеральный округ. 2017: Стат. сб. / Хабаровскстат. Хабаровск, 2018. С. 28–30; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1994. С. 40, 92; Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1996. С. 68, 112; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2010 году / Федеральная служба государственной статистики. М., 2011. С. 82; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/populations/catalog/

Как явствует из приведённых в таблице 2 данных, демографический рост Дальнего Востока за счёт естественного воспроизводства населения в перспективе практически невозможен. Коэффициент рождаемости в макрорегионе (12,1‰ в 2017 г.) не достигает даже того низкого

уровня (менее 16,0%) [13, с. 209], при котором невозможно возобновление поколений. В постсоветский период минимальный положительный естественный прирост на Дальнем Востоке был зарегистрирован в 2012 г., когда коэффициент рождаемости достиг 13,98‰, а коэффициент смертности составил 13,09‰. Тогда появилась некоторая надежда на рост естественного воспроизводства населения в макрорегионе. Однако такое изменение характера естественного движения оказалось кратковременным. В 2016 г. коэффициент естественного прироста (0,88‰) практически вернулся к уровню 2012 г. (0,89‰). Следовательно, ближайшее будущее не столь оптимистично [2, с. 412]. А если учесть уменьшающиеся показатели рождаемости и существующие показатели смертности, то увеличение численности населения для Дальнего Востока за счёт естественного воспроизводства остаётся «демографической мечтой».

Данные таблицы 3 показывают, что Дальний Восток действительно движется к демографической яме очень даже прогрессивно. Об этом наглядно свидетельствуют итоги естественного движения населения за 2018 г. и первые три месяца 2019 г.

Таблица 3

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения

Территория	Всего в 2018 г., человек			На 1 000 человек населения: 2018 г. / январь – март 2019 г.		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
Республика Саха (Якутия)	13 191	7 572	5 619	13,7 / 12,9	7,8 / 7,8	5,9 / 5,1
Камчатский край	3 417	3 549	–132	10,8 / 10,0	11,3 / 11,6	–0,5 / –1,6
Приморский край	19 995	25 660	–5 665	10,5 / 9,7	13,4 / 14,8	–2,9 / –5,1
Хабаровский край	15 107	17 005	–1 896	11,4 / 10,9	12,8 / 14,5	–1,4 / –3,6
Амурская область	8 812	10 650	–1 838	11,1 / 9,8	13,4 / 15,1	–2,3 / –5,3
Магаданская область	1 427	1 621	–194	10,0 / 9,4	11,4 / 12,4	–1,4 / –3,0
Сахалинская область	5 982	6 201	–219	12,2 / 10,7	12,7 / 13,1	–0,5 / –2,4
Еврейская автономная область	1 877	2 200	–323	11,7 / 11,3	13,7 / 15,4	–2,0 / –4,1
Чукотский автономный округ	625	547	78	12,6 / 10,6	11,0 / 9,8	1,6 / 0,8
РФ в целом	1 604 344	1 828 910	–224 566	10,9 / 9,8	12,5 / 12,8	–1,6 / –3,0

Источники: https://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/; https://www.gks.ru/free_doc/2019/demo/edn03-19.htm

Динамика населения Дальнего Востока, к сожалению, находится и под воздействием миграционного оттока населения (*табл. 4*).

Таблица 4

Миграция населения на Дальнем Востоке России (без внутрирегиональной миграции), человек

Миграционные потоки	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост (+), убыль(-)
2015			
Всего	86 661	110 825	-24 164
Межрегиональная миграция (ФО России)	52 101	84 917	-32 816
СНГ	22 144	13 937	8 207
Дальнее зарубежье	12 416	11 971	445
2017			
Всего	92 554	109 668	-17 114
Межрегиональная миграция (ФО России)	57 416	81 782	-24 366
СНГ	25 296	17 604	7 692
Дальнее зарубежье	9 842	10 282	-440

Источники: Дальневосточный федеральный округ. 2017: Стат. сб. /Хабаровскстат. Хабаровск, 2018. С. 31; http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm/

Анализ приведённых данных показывает, что миграция не является компенсирующим источником естественной убыли населения. Более того, она способствует формированию отрицательной динамики численности населения в макрорегионе. Основными территориями притяжения дальневосточников являются Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа, значительно опережающие дальневосточный макрорегион по качеству жизни. Поэтому, не обладая привлекательными условиями, в перспективный период Дальневосточный макрорегион не может рассчитывать на миграционный прирост населения за счёт межрегиональной миграции. Регионы Дальневосточного федерального округа в рейтинге регионов России по качеству жизни занимают от 30 (Хабаровский край) до 80 (Еврейская автономная область) места [3].

Положительное миграционное сальдо дают Дальнему Востоку страны СНГ. Но и в этом направлении возникают проблемы с закреплением мигрантов. Если в 2015 г. от числа прибывших из этих стран было зарегистрировано в обратном направлении 62,9%, то в 2017 г. – 69,6%, миграционный прирост уменьшился на 6,3%. Страны дальнего зарубежья в миграционном взаимодействии с российским Дальним Востоком вообще подошли к отрицательному сальдо миграции в 2017 г.

По имеющимся вариантам прогноза предполагается сохранение отрицательного сальдо миграции. Однако благодаря планам ускоренного развития макрорегиона ожидается его постепенное уменьшение за счёт привлечения дополнительных источников трудовых ресурсов, необходимых для планируемого развития (*табл. 5*).

Таблица 5

Миграционный прирост в перспективной динамике населения Дальнего Востока, человек

Территория	Низкий вариант прогноза			Средний вариант прогноза		
	2020	2025	2030	2020	2025	2030
Республика Саха (Якутия)	-5 647	-3 511	-3 260	-3 760	-3 663	-3 548
Камчатский край	-84	-225	-222	225	462	707
Приморский край	-2 131	-2 784	-2 897	-968	-603	-157
Хабаровский край	-889	-1 545	-1 710	234	666	1 129
Амурская область	-1 485	-1 587	-1 504	-1 257	-1 116	-984
Магаданская область	-1 482	-1 465	-1 368	-1 459	-1 403	-1 302
Сахалинская область	404	256	217	675	868	1 051
Еврейская автономная область	-1 968	-1 859	-1 738	-2 055	-2 009	-1 979
Чукотский автономный округ	-219	-219	-193	-232	-229	-220
Дальний Восток в целом	-11 501	-12 939	-12 675	-4 597	-7 027	-5 303

Источник: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/populations/catalog/duc_1/

До настоящего времени не решаемые проблемы демографического развития Дальнего Востока в некоторой степени отражены в представленной на 4-м Восточном форуме во Владивостоке национальной программе развития Дальневосточного макрорегиона и в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года. Однако необходимо учитывать длительность отклика демографических трендов на любые институциональные и экономические новации. Поэтому одновременно с внедрением в экономике и финансах предусмотренных вышеуказанными документами новаций необходимо осуществить репутационно-политическую эскалацию, ориентированную именно на резидентов Дальневосточного макрорегиона. Если такая эскалация будет поддержана эффективными и явно отличающимися в выгодную сторону от общероссийских норм финансовыми и институциональными решениями, такой отклик может быть получен значительно скорее [3; 7; 8; 9; 10]. Например, можно было бы внести в закон РФ о повышении пенсионного возраста в России поправку, сохранив для дальневосточников, имеющих необходимый рабочий стаж, прежний возраст выхода на пенсию.

Список литературы

1. Демографические контуры регионов России / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2009. 171 с.
2. Демографическое настоящее и будущее России / под ред. В.Ф. Колбанова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2012. 417 с.
3. Зубрицкий А. Статистика не дает корректного представления о масштабах оттока // Дальневосточный капитал. 2018. № 6. С. 26–30.
4. Миграция и миграционная политика Российской Федерации: Научный доклад. Вып. 1 / под ред. С.В. Рязанцева. М.: Изд. Евразийского научно-исследовательского института проблем права, 2011. 116 с.

5. Миграция населения: теория и практика / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012. 364 с.
6. Мишук С.Н. Целевые установки реализации миграционной политики на Дальнем Востоке России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. М.: Экон-Информ, 2019. С. 455–458.
7. Мотрич Е.Л. Влияние миграции на демографическую ситуацию на Дальнем Востоке России // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2018. С. 37–42.
8. Мотрич Е.Л. Преференции должны быть не только для приезжающих // Дальневосточный капитал. 2018. № 6. С. 30–32.
9. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3
10. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
11. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Книга третья. Теория трех стадий миграционного процесса. М.: Экон-Информ, 2019. 218 с.
12. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Т.К., Ху В.К. Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2016. № 3. С. 23–32.
13. Синельников А.Б. Коэффициенты рождаемости // Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 209–210.
14. Фадеева Т.А. Стратегия развития Дальнего Востока: новые аспекты восточного вектора развития // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. М.: Экон-Информ, 2019. С. 513–516.

References

1. *The Demographic Contours of Russia's Regions*. Ed. by L.L. Rybakovsky. Moscow, 2009. 171 p. (In Russian)
2. *Demographic Present and Future of Russia*. Ed. by V.F. Kolbanov, L.L. Rybakovskiy. Moscow, 2012. 417 p. (In Russian)
3. Zubritsky A. Statistics Does Not Give a Correct Idea of the Outflow Scale. *Dal'nevostochnyy kapital* [Far Eastern Capital]. 2018. No. 6. Pp. 26–30. (In Russian)
4. *Migration and Migration Policy of the Russian Federation: Scientific Report. Issue I*. Ed. by S.V. Ryazantsev. Moscow, 2011. 116 p. (In Russian)
5. *Migration of Population: Theory and Practice*. Ed. by O.D. Vorob'eva, A.V. Topilin. Moscow, 2012. 364 p. (In Russian)
6. Mishchuk S.N. Purposes of Realization of Migration Policy in the Far East of Russian. In: *The National Demographic Priorities: Approaches and Measures of Realization*. Moscow, 2019. Pp. 455–458. (In Russian)
7. Motrich E.L. The Impact of Migration on the Demographic Situation in the Far East of Russia. In: *Migration Processes and Their Impact on the Demographic and Socio-Economic Development of the Far East*. Vladivostok, 2018. Pp. 37–42. (In Russian)
8. Motrich E.L. Preferences Should Be Not Only for Visitors. *Dal'nevostochnyy kapital* [Far Eastern Capital]. 2018. No. 6. Pp. 30–32. (In Russian)
9. Motrich E.L., Molodkovets L.F. Shaping the Population and Labor Resources in the Russian Far East.

- Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3 (In Russian)
10. *Russian Far East on the Way to the Future*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2017. 395 p. (In Russian)
11. Rybakovsky L.L. *History and Theory of Population Migration. Book 3. The Theory of Three Stages of the Migration Process*. Moscow, 2019. 218 p. (In Russian)
12. Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., Khramova M.N., Bui T.Q., Huy V.Q. Migration as a Key Component of the Demographic Development of the Russian Far East. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]. 2016. No. 3. Pp. 23–32. (In Russian)
13. Sinelnikov A.B. Birth Rates. In: *Demographic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, 1985. Pp. 209–210. (In Russian)
14. Fadeeva T.A. Strategy of Development for the Far East: New Aspects of East Vector of Development. In: *The National Demographic Priorities: Approaches and Measures of Realization*. Moscow, 2019. Pp. 513–516. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Мотрич Е.Л. Дальний Восток России: современная демографическая ситуация // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 45–52. DOI: [10.14530/reg.2019.4.45](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.45)

For citing:

Motrich E.L. The Far East of Russia: The Current Demographic Situation. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 45–52. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.4.45](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.45)

ЧЕРНЫШЕВ
Константин
Анатольевич

Кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления

Вятский государственный университет, ул. Московская, 36, Киров, Россия, 610000

CHERNYSHEV
Konstantin
Anatolevich

Ph.D. in geography, assistant professor, associate professor of State and Municipal Administration Department Vyatka State University, 36, Moskovskaya Street, Kirov, Russia, 610000

kochem@rambler.ru

УДК 314.72

РЕГИОН – МИГРАЦИОННЫЙ ДОНОР В ПРОСТРАНСТВЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В работе рассматриваются миграционные процессы в регионах Приволжского федерального округа в течение постсоветского периода. Определены субъекты РФ, выступавшие в качестве миграционных доноров и реципиентов. Подробно рассмотрены миграционные связи Кировской области, которая в течение 1992–2017 гг. выступала в качестве наиболее крупного миграционного донора в ПФО. Рассчитаны коэффициенты результативности миграционного обмена и коэффициенты интенсивности миграционных связей Кировской области с каждым регионом ПФО.

Миграция, регион – миграционный донор, Кировская область, Приволжский федеральный округ, постсоветский период, сальдо миграции, межрегиональная миграция

REGION AS A MIGRATION DONOR IN THE SPACE OF FEDERAL DISTRICT

The migration processes in the regions of the Volga Federal District during the post-Soviet period are considered in the article. Subjects of the Russian Federation that have acted as migration donors and recipients are determined. The migration ties of the Kirov region are considered in detail. The region during 1992–2017 was the largest migration donor in the Volga Federal District. The coefficients of the effectiveness of migration exchange and the intensity of migration ties of the Kirov region with each region of the Volga Federal District are calculated.

Migration, region as a migration donor, Kirov oblast, Volga Federal District, post-Soviet period, balance of migration, interregional migration

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00319 «Ретроспектива миграционных связей: оценка масштабов и социально-экономических последствий для региона – миграционного “донора”».

© Чернышёв К.А., 2019

Введение

Для современного этапа демографического развития России характерно усиление депопуляционных тенденций, уменьшение численности лиц трудоспособного возраста и сокращение миграционного потенциала в странах ближнего зарубежья [4]. В сложившихся условиях важную роль в формировании трудовых ресурсов субъектов РФ играет межрегиональное перераспределение населения, изучение которого никогда не теряло своей актуальности.

В территориальном отношении исследования миграционных процессов обычно осуществляются на международном, национальном (страновом), региональном или внутрирегиональном уровне. Повышенное внимание уделяется анализу потоков международной миграции, что объяснимо, во-первых, интересом научной общественности к возникающим проблемам взаимодействия приезжающего и местного населения (адаптация, интеграция мигрантов, усиление конкуренции на рынке труда и пр.), во-вторых, лучшими возможностями по организации учёта международных мигрантов, в то время как для исследований перераспределения населения на внутристрановом и региональном уровне требуется гораздо более подробная и трудно собираемая статистика [3].

Исследования миграционных процессов, где основными территориальными единицами выступали бы федеральные округа, проводятся значительно реже. Это объясняется неоднозначным составом и спорностью данного типа территориальных образований, при формировании которых «нарушены целостность территориальных общностей людей и устойчивость хозяйственных связей» [14, с. 35].

Кроме того, перечень субъектов, образующих федеральные округа, определяется волей главы государства и время от времени корректируется, а сами округа фактически представляют собой форму территориальной организации ряда федеральных структур, в первую очередь Администрации Президента РФ. Имеются примеры исследований миграции, где основными территориальными единицами выступают федеральные округа [2], что, на наш взгляд, объясняется доступностью статистики в разрезе таких территорий и меньшей трудоёмкостью расчётов. Однако округа являются обширными образованиями, и подобные работы могут характеризовать территориальную структуру миграции только в общем виде. Можно согласиться с С.В. Рязанцевым, который отмечал, что «анализ внутренней миграции по федеральным округам мало что проясняет, поскольку ... существенная поляризация наблюдается в разрезе субъектов Федерации» [10, с. 38].

Несмотря на данные противоречия, исследователи всё чаще рассматривают процессы миграции в группах субъектов РФ, включённых в какой-либо федеральный округ (например, Дальневосточный [1; 6] или Центральный [12]), поскольку за период, прошедший с их создания, федеральные округа стали устоявшейся и признанной формой группировки субъектов РФ.

Первая значимая работа, посвящённая миграционной ситуации в ПФО, была издана ещё в 2004 г. и охватывала вопросы территориальной структуры миграции, организации управления передвижением населения, последствий вынужденной и незаконной миграции и др. [5]. Имеются примеры исследований, где анализируются различия миграционных процессов между регионами ПФО [9; 11]. Анализ межрегиональных различий в протекании миграционных процессов неизбежно приводит к разделению регионов на две категории: отдающие и принимающие мигрантов, то есть доноры и реципиенты. Исследователи, как правило, ограничиваются межрегиональными сравнениями общих показателей миграции, не рассматривая миграционные взаимодействия между регионами, включёнными в федеральный округ.

В данной работе планируется рассмотреть миграционные процессы в субъектах ПФО,

выделив среди них группу регионов-доноров. Особое внимание будет направлено на анализ миграционных связей Кировской области с другими субъектами, включёнными в состав ПФО, поскольку данный субъект РФ в течение постсоветского периода неизменно выступал в качестве поставщика населения и рабочей силы для других территорий округа и страны.

Данные текущего учёта как источник информации о межрегиональной миграции

Основным источником информации о миграции в регионах России в 1992–2017 гг., как и в предшествовавший советский период, выступают данные текущего учёта, отражённые в издаваемых статистических сборниках, а также формах Росстата (до 1998 г. – Госкомстата) «Распределение мигрантов по территориям прибытия и выбытия» (таблицы МТ2). Существенными недостатками данного источника информации, затрудняющими определение реальных объёмов миграционных перемещений за столь длительный период, являются недоучёт или двойной счёт перемещений населения (даже для безвозвратной миграции), а также заметные колебания регистрируемых объёмов миграции, обусловленные не столько изменением потока переселенцев, сколько пересмотром порядка миграционного учёта. Например, с 2011 г. произошло увеличение объёмов миграции, поскольку помимо мигрантов, зарегистрированных по месту постоянного жительства, стали учитываться лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, а также граждане, мигрирующие из одного сельского населённого пункта в другой, в том числе в пределах одного сельского поселения. В число выбывших стали попадать мигранты, у которых истёк период временной регистрации (девять месяцев и более), часть из которых в действительности никуда не уезжает. Это дало основания исследователям обоснованно указывать на несопоставимость данных во времени, делающую малополезным анализ динамики абсолютных величин и простых показателей интенсивности миграции [8].

Однако на результаты анализа в данной работе эти обстоятельства принципиально не повлияли, поскольку изменения методологии учёта миграции касались всех регионов страны, а показатели объёмов межрегиональной миграции для регионов ПФО и миграционных связей для Кировской области рассчитывались в целом за постсоветский период. Такой подход корректен, поскольку миграционные процессы анализируются не в динамике, а с целью выявления межрегиональных различий.

Миграционные процессы в регионах Приволжского федерального округа

Приволжский федеральный округ был образован в 2000 г. и включил группу субъектов РФ, относящихся к Волго-Вятскому, Поволжскому и Уральскому экономическим районам. В течение постсоветского периода не происходило существенных изменений внешних границ округа. В качестве допущения, принятого в расчётах, нами не учитывалось изменение границ Нижегородской области за счёт включения Сокольского района Ивановской области в 1994 г.

Динамика миграционных процессов в регионах ПФО в течение постсоветского периода отличалась неравномерностью во времени и пространстве. В течение 1990-х гг. миграционная ситуация в ПФО, как и в России в целом, определялась последствиями распада СССР. В первые годы постсоветского периода все рассматриваемые субъекты РФ испытывали мощный приток переселенцев, вызванный вынужденной миграцией из нестабильных регионов бывшего СССР, а также переселением из зоны Севера. В регионах ПФО до 1995 г. миграция пол-

ностью компенсировала естественную убыль, даже наблюдался некоторый рост численности населения [11]. Однако с завершением радикальных экономических и политических преобразований с сопутствовавшей ему волной стрессовой миграции происходит дифференциация миграционного развития субъектов, включённых в ПФО. Часть регионов в течение постсоветского периода перешла из категории территорий, имеющих положительное сальдо миграции, в категорию субъектов РФ, теряющих население в результате миграции. Раньше других отток населения был зафиксирован в Кировской области (с 1998 г.), Марий Эл (с 1999 г.), а с 2001 г. – ещё в пяти регионах ПФО. В 2003–2006 гг., а также начиная с 2010 г. округ в целом характеризовался отрицательным сальдо миграции, обусловленным потерями населения в обмене с другими частями России и странами дальнего зарубежья. Единственным регионом, где в течение анализируемого периода (1992–2017 гг.) ежегодно регистрировался положительный баланс миграции, является Татарстан.

Анализ миграционных процессов в постсоветский период позволяет сделать вывод, что многие регионы ПФО суммарно за 1992–2017 гг. в миграционном отношении являлись регионами-реципиентами. Наиболее значительный миграционный прирост, как в абсолютных, так и относительных величинах, наблюдался в Самарской области, а также в Татарстане и Нижегородской области. Регионами, где в целом за 1992–2017 гг. сальдо миграции было отрицательным, выступали Мордовия, Марий Эл, Удмуртия, Пермский край, а также Кировская область, являющаяся наиболее крупным регионом-донором на пространстве ПФО (*табл. 1*).

Таблица 1

Показатели миграционного прироста (убыли) в регионах
Приволжского федерального округа (1992–2017 гг.)

Регион	Миграционный прирост (убыль), тыс. человек	Миграционный прирост (убыль) на 10 тыс. жителей
Республика Башкортостан	131,1	324,9
Республика Марий Эл	-6,8	-94,4
Республика Мордовия	-20,0	-226,3
Республика Татарстан	270,4	712,0
Удмуртская Республика	-14,3	-91,1
Чувашская Республика	5,5	42,6
Пермский край	-0,2	-0,7
Кировская область	-49,2	-335,7
Нижегородская область	202,6	578,9
Оренбургская область	20,2	97,1
Пензенская область	46,9	324,9
Самарская область	291,5	902,5
Саратовская область	145,4	560,9
Ульяновская область	34,0	252,8

Источники: составлено на основании данных Федеральной службы государственной статистики (<https://www.fedstat.ru>); Регионы России. Стат. сб. в 2 т. Т. 2. М.: Госкомстат России, 1999. 861 с.

Кировская область как миграционный донор

Рассмотрение миграционных процессов на уровне субъекта РФ – миграционного донора позволяет анализировать не только общие показатели миграции, но и показатели, характеризующие миграционные потоки и связи, взаимодействие региона-донора с каждым регионом ПФО по отдельности.

Для анализа миграционного обмена Кировской области как региона-донора в пространстве ПФО нами были определены сальдо миграции с каждым регионом округа и отношение числа выбывших на 1 тыс. прибывших (коэффициент результативности миграционного обмена, КРМС).

Кроме того, были рассчитаны коэффициенты интенсивности миграционных связей (КИМС), позволяющие оценить реальное взаимодействие между регионами, исключив влияние таких факторов, как численность населения взаимодействующих территорий. Данные коэффициенты определяются как отношение удельного веса прибывших в регион в общем потоке прибывших (КИМС по прибытию) или выбывших в общем потоке выбывших (КИМС по выбытию) к доле численности населения взаимодействующего региона в общей численности населения территорий, поддерживающих с ним миграционные связи [7]. Расчёт КИМС позволяет сопоставить интенсивность обмена между регионами в относительных показателях, нивелируя, таким образом, значительные различия в численности населения регионов и абсолютных масштабах миграционных потоков. Для большей достоверности результатов рассчитывались КИМС по прибытию и выбытию за 1992–2017 гг. для всех субъектов РФ, но без учёта крымских регионов, включённых в состав России в 2014 г.

Миграционные связи всегда двусторонни, и даже из привлекательных в миграционном отношении территорий идут встречные потоки мигрантов. Миграционный обмен Кировской области с регионами ПФО определяется такими традиционными для перемещений населения факторами, как межрегиональные различия в социально-экономическом развитии и уровне жизни. Регионы округа заметно различаются по размеру валового регионального продукта на душу населения, уровню безработицы и доходов жителей (*табл. 2*). Кировская область уступает большинству регионов ПФО по ключевым показателям, характеризующим социально-экономическое развитие, и относится к числу депрессивных регионов [13].

Другим фактором, имеющим значение, является расстояние между регионами. Более тесные миграционные связи у Кировской области сложились с соседями первого порядка, тогда как взаимодействие с удалёнными от Кировской области регионами ПФО менее интенсивно (например, расстояние от Кирова до Саратова превышает расстояние от Кирова до Москвы).

Несмотря на крайнее северное положение Кировской области в границах ПФО и наличие границ с регионами Центрального и Северо-Западного федеральных округов, именно на регионы ПФО приходится основной объём межрегионального миграционного оборота Кировской области (*табл. 3*).

Территориальная структура межрегиональных миграционных связей Кировской области в пределах округа характеризуется высокой долей пяти соседних регионов округа, на обмен с которыми приходится свыше 83% прибытий и 84% выбытий в регионы ПФО. В абсолютном выражении наибольшая убыль населения в результате миграции отмечалась с Нижегородской областью, республиками Татарстан и Марий Эл, а наименьшие миграционная убыль и оборот – с Мордовией (*табл. 4*). Миграционный прирост населения в течение 1992–2017 гг. в субъектах РФ, относящихся к ПФО, за счёт переселений из Кировской области также обусловлен территориальной близостью к региону – миграционному донору (*рис.*).

Таблица 2

Показатели социально-экономического развития регионов
Приволжского федерального округа в 2017 г.

Регион	ВРП на душу населения, тыс. рублей	Уровень безработицы (по данным выборочных обследований рабочей силы), %	Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, тыс. рублей
Республика Башкортостан	343,5	5,6	28,4
Республика Марий Эл	248,0	6,1	19,0
Республика Мордовия	264,4	4,2	18,1
Республика Татарстан	543,5	3,5	31,7
Удмуртская Республика	367,1	4,8	23,9
Чувашская Республика	219,4	5,1	17,9
Пермский край	453,3	6,1	28,7
Кировская область	238,7	5,3	21,6
Нижегородская область	388,8	4,2	30,7
Оренбургская область	414,9	4,6	22,7
Пензенская область	273,2	4,5	21,6
Самарская область	422,0	4,2	27,0
Саратовская область	270,8	4,8	19,8
Ульяновская область	272,6	4,4	23,1

Источники: составлено на основании данных Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Таблица 3

Территориальная структура межрегиональной миграции населения
Кировской области в 1992–2017 гг.

Федеральные округа (в современных границах)	Прибыло		Выбыло		Миграционный прирост (убыль), человек
	человек	относительно числа прибывших, %	человек	относительно числа выбывших, %	
1	2	3	4	5	6
Центральный	33 682	13,49	65 245	19,88	–31 563
Северо-Западный	58 017	23,24	62 924	19,17	–4 907
Южный (без Крыма и Севастополя)	10 442	4,18	16 425	5,00	–5 983

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6
Северо-Кавказский	4 803	1,92	4 836	1,47	–33
Приволжский	84 775	33,95	119 044	36,27	–34 269
Уральский	30 480	12,21	40 106	12,22	–9 626
Сибирский	13 277	5,32	11 518	3,51	2 637
Дальневосточный	14 195	5,69	8 103	2,47	5 214
Всего	249 671	100,0	328 201	100,0	–78 530

Источник: составлено на основании данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кировской области (Таблицы МТ2 «Распределение мигрантов по территориям прибытия и выбытия» за 1992–2017 гг.).

Таблица 4

Миграционные связи Кировской области с субъектами РФ, включёнными в Приволжский федеральный округ, 1992–2017 гг.

Регион	Прибыло в Кировскую область из региона	Выбыло в регион из Кировской области	Миграционная убыль	КРМС	КИМС приб.	КИМС выб.
Республика Башкортостан	1 809	2 416	–607	1 336	0,26	0,27
Республика Марий Эл	14 914	21 650	–6 736	1 452	12,04	13,31
Республика Мордовия	492	507	–15	1 030	0,32	0,25
Республика Татарстан	15 015	23 612	–8 597	1 573	2,30	2,75
Удмуртская Республика	16 132	19 014	–2 882	1 179	5,98	5,37
Чувашская Республика	2 082	3 337	–1 255	1 603	0,94	1,15
Пермский край	12 489	15 112	–2 623	1 210	2,58	2,38
Нижегородская область	11 677	20 492	–8 815	1 755	1,94	2,59
Оренбургская область	1 685	1 988	–303	1 180	0,47	0,42
Пензенская область	1 123	1 389	–266	1 237	0,45	0,43
Самарская область	3 151	4 459	–1 308	1 415	0,57	0,61
Саратовская область	2 922	3 513	–591	1 202	0,66	0,60
Ульяновская область	1 284	1 555	–271	1 211	0,56	0,51

Источник: составлено на основании данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кировской области (Таблицы МТ2 «Распределение мигрантов по территориям прибытия и выбытия» за 1992–2017 гг.).

Рис. Миграционный прирост регионов РФ, включённых в Приволжский федеральный округ, в результате взаимодействия с Кировской областью (1992–2017 гг.), на 10 тыс. жителей региона-реципиента

Значения КИМС для обмена с Республикой Марий Эл являются экстремально высокими, как по прибытию, так и по выбытию. Высокие значения КИМС отмечаются по выбытию в Удмуртию, Татарстан, Нижегородскую область, а по прибытию – из Удмуртии и Пермского края. Наименее существенными по интенсивности являются миграционные связи рассматриваемого региона-донора с Башкортостаном и Мордовией.

Заключение

Изучение миграции необходимо осуществлять в рамках территорий различного иерархического уровня. Федеральные округа являются относительно новой единицей для регионального анализа миграционных процессов. Исследования миграции в пределах одного федерального округа, на наш взгляд, более актуальны, чем анализ миграции между федеральными округами, ибо социально-экономические различия, обуславливающие большинство миграционных передвижений лучше выражены между субъектами РФ, нежели между такими крупными и сложными по составу территориальными образованиями, как федеральные округа.

Текущая миграционная статистика имеет недостатки, затрудняющие её использование для сопоставления показателей во времени, но она вполне подходит для межрегиональных сравнений.

В течение постсоветского периода происходили изменения в результативности внешней для регионов ПФО миграции, чёткое выделение регионов-реципиентов и регионов-доноров. Наиболее крупным регионом – миграционным донором в ПФО является Кировская область. Миграционные связи Кировской области с регионами ПФО разнообразны, характеризуются высокой интенсивностью с соседними субъектами РФ. Объёмы и направления миграционного оттока из Кировской области являются отражением межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития. Проблема оттока населения остаётся одной из наиболее острых для Кировской области и других регионов – миграционных доноров, характеризующихся выездом в другие субъекты РФ экономически активного, образованного населения и молодёжи.

Список литературы

1. Донец Е.В., Чудиновских О.С. Современные тенденции миграции в регионах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4. С. 88–94. DOI: 10.12737/article_5a3c3ccbe53bd4.28855803
2. Зайончковская Ж.А. Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 3–18.
3. Кашицкий И.С. Миграции молодежи в России: влияние на возрастные структуры // Проблемы изучения миграции. М.: Экономический факультет МГУ, 2014. С. 79–93.
4. Локосов В.В., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л., Хасаев Г.Р. Результаты демографической политики и наступление депопуляции в России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 11. С. 40–48.
5. Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск 1: Приволжский федеральный округ / Под ред. С.С. Артоболевского, Ж.А. Зайончковской. М.: ЦМИ, 2004. 212 с.
6. Мотрич Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6–14.
7. Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. 280 с.
8. Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С. Постоянная миграция населения российских регионов // Народонаселение. 2015. № 3. С. 4–14.
9. Рыбачкова А.В. Современные особенности международной миграции населения в регионах Приволжского федерального округа // География и геоэкология: проблемы науки, практики и образования. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. С. 59–63.

10. Рязанцев С.В. Внутрirosсийская миграция населения: тенденции и социально-экономические последствия // Вопросы экономики. 2005. № 7. С. 37–49.
11. Самонина С.С. Современные миграционные процессы в Приволжском федеральном округе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3. № 3–2. С. 153–162.
12. Селезнева Л.М., Дунаева А.И., Удачин Н.О. Характеристика процессов внутренней миграции в Центральном федеральном округе Российской Федерации // Самоуправление. 2014. № 4. С. 29–32.
13. Чернышев К.А. Трансформация территориальной организации населения депрессивного региона. Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2016. 204 с.
14. Шарыгин М.Д. Современные проблемы территориальной организации российского общества // Известия Русского географического общества. 2007. Т. 39. № 1. С. 30–36.

References

1. Donets E.V., Chudinovskikh O.S. Current Trends of Migration in the Far Eastern Federal District. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2017. No. 4. Pp. 88–94. DOI: 10.12737/article_5a3c3cbe53bd4.28855803 (In Russian)
2. Zayonchkovskaya J.A. Federal Districts on the Migration Map of Russia. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2012. No. 3. Pp. 3–18. (In Russian)
3. Kashnitsky I.S. Migrations of Young People in Russia: Influence on Age Structures. In: *Problems of Studying Migration. Moscow: Faculty of Economics of Moscow State University*, 2014. Pp. 79–93. (In Russian)
4. Lokosov V.V., Rybakovsky L.L., Rybakovsky O.L., Khasaev G.R. Results of Demographic Policy and the Onset of Depopulation in Russia. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University of Economics]. 2017. No. 11. Pp. 40–48. (In Russian)
5. The Migration Situation in the Regions of Russia. *Issue 1: Volga Federal District*. Ed. by S.S. Artobolevsky, J.A. Zayonchkovskaya. Moscow, 2004. 212 p. (In Russian)
6. Motrich E.L. The Role of Migration in the Dynamics of the Number and Composition of the Population of the Far Eastern Federal District. *Regionalnye problemy* [Regional Problems]. 2015. Vol. 18. No. 3. Pp. 6–14. (In Russian)
7. *Practical Demography*. Ed. by L.L. Rybakovsky. Moscow, 2005. 280 p. (In Russian)
8. Rybakovsky O.L., Sudoplatova V.S. Permanent Migration of the Population of the Russian Regions. *Narodonaselenie* [Population]. 2015. No. 3. Pp. 4–14. (In Russian)
9. Rybachkova A.V. Modern Features of International Migration of the Population in the Regions of the Volga Federal District. In: *Geography and Geoecology: Problems of Science, Practice and Education*. Penza, 2017. Pp. 59–63. (In Russian)
10. Ryazantsev S.V. Intra-Russian Population Migration: Trends and Socio-Economic Consequences. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. 2005. No. 7. Pp. 37–49. (In Russian)
11. Samonina S.S. Modern Migration Processes in the Volga Federal District. *Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya* [Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology]. Vol. 3. No. 3–2. 2017. Pp. 153–162. (In Russian)
12. Selezneva L.M., Dunaeva A.I., Udachin N.O. Characteristics of the Processes of Internal Migration in the Central Federal District of the Russian Federation. *Samoupravlenie* [Self-Government]. 2014. No. 4. Pp. 29–32. (In Russian)
13. Chernyshev K.A. *Transformation of the Territorial Organization of the Population in the Depressed Region*. Kirov, 2016. 204 p. (In Russian)

14. Sharygin M.D. Modern Problems of the Territorial Organization of Russian Society. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society]. 2007. Vol. 139. No. 1. Pp. 30–36. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Чернышев К.А. Регион – миграционный донор в пространстве федерального округа // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 53–63. DOI: [10.14530/reg.2019.4.53](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.53)

For citing:

Chernyshev K.A. Region as a Migration Donor in the Space of Federal District. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 53–63. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.4.53](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.53)

**ДЁМИНА
Яна Валерьевна**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DYOMINA
Yana Valeryevna**

Ph.D. in economics, senior research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

yandemi@yandex.com

© Дёмина Я.В., 2019

УДК 339.9

**ЗОНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНДР:
ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ**

В статье даётся обзор зон экономического развития (ЗЭР), созданных на территории КНДР до и после принятия Закона 2013 года. Всего с 1991 г. было создано 25 зон различных типов (зоны развития туризма, промышленного, сельскохозяйственного, высокотехнологичного развития, экспортно-ориентированные зоны переработки и комплексные зоны), однако в настоящее время не все из них функционируют. Перспективы существования ЗЭР на территории КНДР и возможность участия иностранных компаний в данных проектах полностью определяются внешнеполитической обстановкой в регионе и процессом денуклеаризации страны.

Зоны экономического развития, специальные экономические зоны, свободные экономические зоны, КНДР, санкции

**ECONOMIC DEVELOPMENT ZONES
IN THE DPRK: PROSPECTS UNDER
INTERNATIONAL SANCTIONS**

The article overviews economic development zones (EDZs) created in the DPRK before and after 2013 when the new law was passed. There are 25 zones of various types (industrial, agricultural, high-tech and tourism development zones, export processing zones and comprehensive zones) that have been created since 1991; however, only part of this zones are currently functioning. Policy situation in the region and the DPRK's denuclearization fully determine foreign investment in EDZs and the future of these projects.

Economic development zones, special economic zones, free economic zones, DPRK, sanctions

Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук, проект МК-1111.2019.6 «Трёхстороннее экономическое сотрудничество России, Республики Корея и КНДР: перспективы и препятствия».

Введение

В декабре 2011 г. к власти в КНДР пришёл Ким Чен Ын, начавший проведение в стране экономических реформ, аналогичных китайской политике «реформ и открытости». Отношение государства к частному бизнесу стало более лояльным. Также была создана сеть зон экономического развития с целью привлечения иностранных инвестиций. Закон КНДР о зонах экономического развития (ЗЭР) был принят в мае 2013 г.¹ В ноябре 2013 г. было объявлено о выделении 13 территорий в 8 провинциях для ускоренного развития с участием иностранных инвесторов. Большинство из них занимает небольшую территорию (от 2 до 4 кв. км) и расположено в разных частях страны: 5 – на границе с Китаем, 3 – на западном побережье, оставшиеся 5 – на восточном (*рис.*). В июне 2014 г. было объявлено о создании специальной туристической зоны в Вонсане, план развития которой рассматривал её как часть единого туристического района Вонсан – Кымгансан. В июле 2014 г. также было объявлено о создании ещё 6 зон экономического развития [4; 7]. В апреле 2015 г. было принято решение о создании международной особой туристической зоны Мубон [8; 9].

Зоны экономического развития, созданные до принятия нового закона

До принятия Закона КНДР о зонах экономического развития в стране было создано 5 зон, однако одна из них – Специальный административный район Синьиджу – до 2014 г. так и не получила развития. В 1991 г. было объявлено о создании Раджин-Сонбонской свободной экономической и торговой зоны (сейчас – торгово-экономическая зона Расон); в 2002 г. – специального административного района Синьиджу, Кэсонской промышленной зоны и Кымгансанской туристической зоны, в 2011 г. – экономической зоны Хвангымпхён – Вихва (*табл. 1*).

Таблица 1

Зоны экономического развития КНДР, созданные до 2013 г.

Название	Категория	Дата основания
Торгово-экономическая зона Расон	Комплексная	Декабрь 1991 г.
Специальный административный район Синьиджу	Комплексная	Сентябрь 2002 г.
Кымгансанская туристическая зона	Туристическая	Октябрь 2002 г.
Кэсонская промышленная зона	Промышленная	Ноябрь 2002 г.
Экономическая зона Хвангымпхён – Вихва	Комплексная	Декабрь 2011 г.

Источник: составлено автором на основании данных Министерства внешнеэкономических связей Корейской Народно-Демократической Республики и World Free Zones Organization.

Зона Расон располагается в северо-восточной части КНДР и граничит с г. Хунчунь (провинция Гирич, КНР) и с г. Хасан (Приморский край, Россия). В городе Расон уже создана основная инфраструктура, в том числе порты, автомобильные и железные дороги (Расон – Туманган и Хунвэй – Намьян), линии связи и др. В зоне находятся незамерзающие зимой порты

¹ Закон Корейской Народно-Демократической Республики о зонах экономического развития был принят указом Президиума Верховного Народного Собрания № 3192 от 29 мая 2013 г. (изменения и дополнения в него были внесены указами Президиума Верховного Народного Собрания № 1245 от 10 августа 2016 г. и № 1911 от 21 сентября 2017 г.).

1. Зона туристического развития Чхонсу
2. Экономическая зона Хвангымпхён – Вихва
3. Международная особая туристическая зона Мубон
4. Торгово-экономическая зона Расон
5. Зона туристического развития Онсонсом
6. Зона промышленного развития Вивон
7. Зона промышленного развития Чхеннам
8. Зона экспортной обработки Чиндо
9. Зона обработки экспортных товаров Сонрим
10. Зона сельскохозяйственного развития Пукчхон
11. Кымгансанская туристическая зона
12. Кэсонская промышленная зона
13. Международная экономическая зона Синийджу

14. Международная «зелёная» зона Канрён
15. Зона сверхсовременного технологического развития Ынчжон
16. Амроканская свободная экономическая зона
17. Хэсанская свободная экономическая зона
18. Зона экономического развития Манпхо
19. Хыннамская свободная экономическая зона
20. Хендонская свободная экономическая зона
21. Чхончжинская свободная экономическая зона
22. Зона сельскохозяйственного развития Оран
23. Зона обработки экспортных товаров Ваудо
24. Зона туристического развития Синпхен
25. Зона сельскохозяйственного развития Сукчхон

Рис. Зоны экономического развития КНДР

Примечание: картография выполнена В.Д. Хижняком на основании данных, предоставленных автором.

Расон, Сонбон и Унсан. Правительство КНДР поставило в качестве главной цели развития Расонской торгово-экономической зоны превращение её в передовую базу обрабатывающей промышленности, центр логистики и туризма в Северо-Восточной Азии путём развития машиностроения, лёгкой промышленности, инноваций, сферы услуг, переработки первичного сырья и современного высокоэффективного сельского хозяйства. Также планируется создание прибрежной промышленной зоны Раджин – Сонбон – Унсан – Гульпхо.

Кымгансанская туристическая зона и Кэсонская промышленная зона были созданы как межкорейские зоны развития. Благодаря инвестициям корпорации Hyundai зона Кымгансан развивалась весьма успешно; за время функционирования зону посетили более 2 млн туристов из Республики Корея: в 2002 г. – 84 727 человек, в 2007 г. – 345 006 человек (максимальный приток) [10]. Однако в 2008 г. работа зоны было приостановлена в связи с гибелью южнокорейского туриста, зашедшего на запретную территорию. В 2011 г. КНДР конфисковала южнокорейские активы и попыталась самостоятельно управлять зоной, однако проект потерпел неудачу.

Кэсонский промышленный комплекс (КПК) представлял собой успешный пример двустороннего торгово-инвестиционного сотрудничества и фактически единственный канал межкорейского экономического взаимодействия после 2010 г. Республика Корея предоставляла капитал и технологии, КНДР – рабочую силу и землю. В КПК в основном производились текстильные изделия, электротовары и оборудование; 90% произведённой продукции вывозилось в Республику Корея и потреблялось там. Остальные 10% экспортировались в третьи страны, среди которых были Китай, Россия, государства Ближнего Востока и Европы [3; 4; 5]. В апреле 2013 г. зона была закрыта вследствие обострения межкорейских отношений (КНДР закрыла доступ в Кэсон сначала южнокорейским работникам, затем и северокорейским), однако в сентябре того же года функционирование комплекса возобновилось. 10 февраля 2016 г. КПК был окончательно закрыт по инициативе южнокорейской стороны после испытания КНДР ракеты дальнего радиуса действия. Специалисты из Республики Корея были выдворены с территории зоны, южнокорейское оборудование вывезено, подача электроэнергии и воды прекращена.

В ноябре 2017 г. Институт экономических исследований концерна Hyundai представил доклад о необходимости возобновления Кымгансанского туристического проекта. В нём указывается, что такой точки зрения придерживается 86,8% экспертов [1].

Опрос среди владельцев компаний, работавших в Кэсоне, показал, что 27 компаний вернутся сразу же, как только комплекс вновь откроют, ещё 70 подождут некоторое время и лишь 4 не вернутся ни при каких обстоятельствах [1]. Главной причиной привлекательности КПК 80% опрошенных назвало дешёвизну рабочей силы. Однако Госдепартамент США продолжает возражать против возобновления работы комплекса. Об этом представитель внешнеполитического ведомства США заявил в эфире радиостанции «Голос Америки» 31 июля 2018 г.: решение о закрытии Кэсонского комплекса в 2016 г. принималось как ответная мера на растущую угрозу со стороны КНДР и открытое игнорирование резолюций Совета Безопасности ООН. Ранее, 27 июля, спецпредставитель Госдепартамента США Марк Ламберт специально собрал 15 представителей бизнеса, включая Hyundai Asan, KORAIL и KT, и предупредил, что южнокорейским компаниям стоит умерить рвение в попытках развивать сотрудничество с КНДР.

Несмотря на предостережения со стороны США, в настоящее время Министерство объединения (входит в состав правительства Республики Корея) изучает возможность возобновления замороженных межкорейских проектов (в частности, промышленного комплекса в Кэсоне и туристического кластера в горах Кымган). Возобновить указанные проекты без предварительных условий призвал лидер КНДР Ким Чен Ын в своей новогодней речи. В Республике

Корея такой призыв восприняли с осторожностью, заявив, что прежде необходимо согласовать такую возможность с мировым сообществом, чтобы создать «подходящие условия» [6].

Экономическая зона Хвангымпхён – Вихва является комплексной ЗЭР, в которой представлены следующие направления: IT-индустрия, лёгкая промышленность, сельское хозяйство, торговля и туризм. Зона расположена на острове у низовья реки Амнок на границе с КНР. План развития ЗЭР включает строительство пристани, складской зоны, а также жилого квартала на 10 тыс. человек. В проекте предусмотрены многоэтажные дома, общественные и административные здания, в том числе финансовые и торговые учреждения, спортивные и культурно-оздоровительные центры, туристические, медицинские и образовательные учреждения. Также планируется создать парковую зону с различными заведениями для иностранных туристов.

Таким образом, в настоящее время функционируют только две зоны из пяти, созданных до 2013 г. Проект зоны Синийджу был пересмотрен и переработан в соответствии с новым законом. Кроме того, в отношении КНДР действует широкий круг ограничительных мер, введённых как Советом Безопасности ООН, так и США, Японией, ЕС, Австралией и Республикой Корея. К сожалению, Министерство внешнеэкономических связей КНДР, в ведении которого находятся все зоны экономического развития, не предоставляет отчётов о функционировании ЗЭР в условиях санкций, однако, указанные санкции делают фактически невозможной любую форму двустороннего и многостороннего сотрудничества кроме гуманитарного обмена. Санкции могут быть сняты лишь в том случае, если КНДР осуществит полное ядерное разоружение – такова позиция США, постоянного члена Совета Безопасности ООН, обладающего правом вето.

Зоны экономического развития, созданные после принятия нового закона

В настоящее время на территории КНДР действует 23 зоны экономического развития, большая часть из которых была создана после принятия Закона КНДР о ЗЭР. В соответствии с законом, целью создания ЗЭР провозглашается развитие внешнеэкономического сотрудничества и обменов, развитие национальной экономики и повышение уровня жизни населения (ст. 1). Зоны экономического развития – это особые экономические зоны, в которых экономической деятельности предоставляется преференциальный режим в соответствии с законами и правилами, специально принятыми государством. К ЗЭР относятся зоны промышленного развития, зоны сельскохозяйственного развития, зоны развития туризма, экспортно-ориентированные зоны переработки, зоны высокотехнологичного развития и другие зоны в области экономики, науки и техники (ст. 2). Зоны экономического развития могут иметь как центральное подчинение, так и местное (ст. 3). Зоны создаются с соблюдением следующих принципов (ст. 19):

- поэтапное развитие в соответствии с планом;
- диверсификация инвестиционного притока;
- сохранение природной экологической среды ЗЭР и прилегающих территорий;
- рациональное использование ресурсов;
- повышение международной конкурентоспособности продукции и услуг;
- согласование удобства ведения хозяйственной деятельности с общественными интересами;
- обеспечение устойчивого и сбалансированного развития соответствующих ЗЭР.

Компании на территории ЗЭР могут создаваться иностранными инвесторами, получившими соответствующее разрешение, как в формате совместного предприятия, так и со стопроцентным иностранным капиталом. Предприятия КНДР также могут создавать компании на территории ЗЭР при наличии разрешения от государства (ст. 20). КНДР обещает инвесторам преференциальные условия для ведения бизнеса в области землепользования, найма рабочей силы и налогообложения. На территории зон гарантируется право иностранцев брать в аренду землю сроком до 50 лет с возможностью продления (ст. 25), а также право покупать, продавать или передавать права пользования землёй и права собственности на здания (ст. 29). Предприятия на территории ЗЭР должны в первую очередь нанимать работников из КНДР. Если в соответствии с обстоятельствами должна использоваться иностранная рабочая сила, требуется согласие органа управления ЗЭР (ст. 41). В торговле товарами и услугами между предприятиями внутри ЗЭР или между предприятием в ЗЭР и предприятием на основной территории КНДР цены устанавливаются по договорённости участников обмена в соответствии с международной рыночной ценой (ст. 43). В ЗЭР установлена специальная ставка подоходного налога: в общем случае – 14%, в приоритетных секторах (строительство инфраструктуры, внедрение высоких технологий и производство товаров, конкурентных на мировом рынке) – 10% (ст. 45). На остальной территории КНДР размер ставки подоходного налога составляет 25% [4]. Предприятия, работающие в ЗЭР более 10 лет, имеют право на снижение или освобождение от уплаты налога на прибыль организаций. Срок и ставка уменьшения или освобождения от уплаты налога, а также дата отсчёта указанного срока устанавливаются нормативными актами (ст. 53). Законодательство КНДР предполагает возможность приобретения предприятиями из ЗЭР нужных для хозяйственной деятельности сырьевых и материальных ресурсов или продажи выпускаемых ими изделий на территории КНДР вне соответствующей экономической зоны.

Как отмечалось выше, зоны могут быть центрального и местного подчинения. Среди «новых» ЗЭР к зонам центрального подчинения относятся всего пять (*табл. 2*).

Таблица 2

Зоны экономического развития КНДР центрального подчинения, созданные в 2013–2015 гг.

Название	Категория
Международная экономическая зона Синьджу	Комплексная
Международная «зелёная» зона Канрён	Комплексная
Зона сверхсовременного технологического развития Ынчжон	Комплексная
Зона экспортной обработки Чиндо	Экспортно-ориентированная зона переработки
Международная особая туристическая зона Мубон	Туристическая

Источник: составлено автором на основании данных Министерства внешнеэкономических связей Корейской Народно-Демократической Республики.

Как отмечалось выше, проект ЗЭР Синьджу был заморожен до 2014 г., когда он был пересмотрен и переработан. В соответствии с первоначальным планом, административный район Синьджу должен был получить автономию наподобие китайских специальных эко-

номических зон. Проект не получил развития вследствие скандала с назначенным на должность губернатора китайско-голландским бизнесменом Ян Бином. Он был арестован в октябре 2002 г. и осуждён в июле 2003 г. на 18 лет по обвинению в уклонении от уплаты налогов [10]. Другой губернатор не был назначен. В настоящее время единственное сходство Синьиджу с Гонконгом и Макао состоит в наличии «базового закона». Целью создания зоны является развитие новейших технологий, внешней торговли, туризма, финансовой сферы и т.д. В регионе расположен крупный промышленный узел (машиностроение, химическая, текстильная, обувная, фармацевтическая, пищевкусовая промышленность и производство товаров широкого потребления).

В международной «зелёной» зоне Канрён предполагается развивать туристическую сферу, а также производство и обработку органических сельскохозяйственных продуктов и субпродуктов (включая морское и пресноводное рыбоводство). Регион обладает богатыми морскими ресурсами (трепанг, морское ушко, моллюски, ламинария, порфира, краб, мойва и др.), которые в перспективе могут экспортироваться через порт Хэчжу.

Целью создания зоны Ынчжон является развитие IT-индустрии, нанотехнологий, бионики, торговли и коммерческого обслуживания, а также производство новых материалов и ультрасовременного промышленного оборудования. ЗЭР расположена в районе Ынчжон города Пхеньяна, где находятся десятки научно-исследовательских учреждений, в том числе Государственная Академия наук.

В зоне Чиндо планируется производство и экспорт товаров лёгкой промышленности, машин и оборудования, электроники и химических изделий. Для обеспечения ЗЭР электроэнергией предполагается построить гидроэлектростанцию в селе Соган и приливную гидроэлектростанцию в заливе Кванрян. В зоне расположен международный торговый порт Нампхо.

Международная особая туристическая зона Мубон расположена в провинции Рянган на реке Туманган у границы с КНР. Предусматривается строительство водохранилища вблизи реки Синчхонсу, аквапарк на берегу реки Сокылчхон, коттеджей и гостиницы по берегам рек Сокылчхон и Синчхонсу, коттеджей вокруг озера Мубон и террасных коттеджей рядом с полем голубики. В проект также входят спортивные и развлекательные сооружения, участок верховой езды, этнографический городок, тир и квартал национальных ресторанов.

К ЗЭР местного подчинения, созданным после принятия нового закона, относится 16 зон (*табл. 3*).

ЗЭР Манпхо, Хэсан и Амрокан созданы с целью развития промышленности, туризма, современного сельского хозяйства и активизации внешней торговли. В зоне Манпхо находится место историко-революционной славы Косанчин, источник минеральной термальной воды Митха и другие достопримечательности. В ЗЭР планируется построить международный сервис-центр для иностранных туристов и участников внешнеторговых операций. На территории зоны Хэсан расположено озеро Самсу и горячий источник. Вблизи озера планируется построить международный туристический комплекс, а также промышленную базу (производство текстиля и одежды, лекарственных препаратов, машин и оборудования для горной и лесной промышленности). Зона Амрокан состоит из нескольких островов в верховье реки Амрок у границы с КНР. На территории ЗЭР планируется постройка научно-исследовательского института с комплексом оранжерей и теплиц. Проект также предполагает строительство заводов по обработке продуктов животноводства и растениеводства, а также по производству органических удобрений, комбинированных кормов, сельскохозяйственного инвентаря.

Таблица 3

Зоны экономического развития КНДР местного подчинения, созданные в 2013–2014 гг.

Название	Категория	Общий объем инвестиций
Зона экономического развития Манпхо	Комплексная	120 млн долларов США
Чхончжинская свободная экономическая зона	Комплексная	200 млн долларов США
Хэсанская свободная экономическая зона	Комплексная	100 млн долларов США
Амроканская свободная экономическая зона	Комплексная	240 млн долларов США
Хендонская свободная экономическая зона	Промышленная	100 млн долларов США
Хыннамская свободная экономическая зона	Промышленная	100 млн долларов США
Зона промышленного развития Вивон	Промышленная	150 млн долларов США
Зона промышленного развития Чхеннам	Промышленная	Нет данных
Зона сельскохозяйственного развития Пукчхон	Сельскохозяйственная	100 млн долларов США
Зона сельскохозяйственного развития Оран	Сельскохозяйственная	70 млн долларов США
Зона сельскохозяйственного развития Сукчхон	Сельскохозяйственная	Нет данных
Зона обработки экспортных товаров Ваудо	Экспортно-ориентированная зона переработки	100 млн долларов США
Зона обработки экспортных товаров Сонрим	Экспортно-ориентированная зона переработки	80 млн долларов США
Зона туристического развития Синпхен	Туристическая	40 млн долларов США
Зона туристического развития Чхонсу	Туристическая	Нет данных
Зона туристического развития Онсонсом	Туристическая	90 млн долларов США

Источник: составлено автором на основании данных Министерства внешнеэкономических связей Кореической Народно-Демократической Республики.

Проект Чхончжин предполагает развитие промышленности (металлургия, машиностроение, производство стройматериалов, выпуск электроники и изделий легкой промышленности), а также транзитную перевозку экспортных грузов. На территории ЗЭР расположен незамерзающий порт Чхончжин. Кроме того, рядом с зоной находится одно из самых крупных металлургических производств в стране – Металлургическое объединение имени Ким Чака. Также в регионе расположены Ранамское объединение машиностроения, Чхончжинский автобусный завод, Чхончжинский завод химического волокна и проч. Кроме существующих заводов планируется построить предприятия по производству электромагнитных изделий, гидравлических машин, роботов, высокоточных приборов, транспортных средств.

ЗЭР Хендон и Хыннам расположены вблизи крупных ГЭС (ГЭС имени Анбёнской молодежи и Чанзин, Хочхон и Бузен соответственно) и торговых портов (Вонсан и Хыннам соот-

ветственно). Вонсан – один из главных торговых портов в КНДР. В зоне Хендон предполагается развитие IT-индустрии, деревообработки и лёгкой промышленности, а также производство туристских сувениров. ЗЭР Хыннам создана с целью производства медикаментов, химических изделий, строительных материалов, машин и оборудования. Недалеко от зоны расположены Рёнсонское машиностроительное объединение, Виналоновый комплекс «8 февраля», Хыннамское объединение химических удобрений, Хамхынский лесозавод, Хамхынский кирпичный завод и т.д.

В отличие от двух вышеуказанных зон в ЗЭР Вивон и Чхеннам пока не создана необходимая транспортная и энергетическая инфраструктура. Проектом Вивон предусмотрено строительство морского порта и железнодорожной линии Вивон – Манпхо. В уезде Вивон находятся залежи кальция, свинца, россыпного золота, известняка и других руд. В зоне планируется переработка минеральных ресурсов, деревообработка, машиностроение, шелководство, разведение пресноводных рыб и переработка продуктов сельского хозяйства. В округе Чхеннам находятся крупные залежи бурого угля и крупнейший в провинции производитель угля – Угольное объединение Анджу. Целью создания зоны Чхеннам является производство химических изделий, сжиженного природного газа, потребительских товаров, оборудования и инструментов для горнодобывающей промышленности, а также утилизация отходов.

Во всех сельскохозяйственных зонах планируется создание безотходной системы производства. Регион Пукчхон славится яблоками, которые пользуются спросом не только на внутреннем, но и на внешнем рынках. В ЗЭР планируется выращивание и переработка фруктов, лекарственных растений, грибов и других лесных ресурсов, морепродуктов. Проект Оран предусматривает развитие рыбоводства, животноводства и растениеводства, включая строительство научно-исследовательского института, главным направлением которого является семеноводство. Регион расположен в прибрежной части Японского моря и имеет весьма благоприятные климатические условия. Зона имеет развитую сеть железных дорог: имеются линии Пхеньян – Мусан, Пхеньян – Туманган, Пхеньян – Онсон. Также в окрестностях ЗЭР построена автодорога Хамхын – Чхончжин. В зоне Сукчхон планируется интенсивное развитие скотоводства, плодоводства, шелководства, семеноводства и растениеводства. В окрестностях ЗЭР расположен апатитовый рудник, поэтому проектом предусмотрено производство неорганических и органических удобрений. Кроме того, планируется выращивание и переработка лекарственных растений.

Зоны Ваудо и Сонрим созданы с целью развития экспортно-ориентированных обрабатывающих производств на основе импортных материалов. ЗЭР расположены недалеко от портов Нампхо и Сонрим. Проектом Ваудо предусмотрено расширение зоны и превращение её в комплексную ЗЭР с развитой промышленностью и сферой услуг (туризм, операции с недвижимостью, банковская деятельность). Целью создания зоны Сонрим является развитие металлургической промышленности региона Хванхэ. Планируется также создание сети складов и транспортных компаний.

Все туристические ЗЭР ориентированы в первую очередь на туристов из КНР. Зона Синпхен расположена в бассейне реки Тохва у подножия горы Маннён с множеством расщелин и крутых склонов. Проектом предусмотрено создание комплексной горно-туристической зоны. ЗЭР Чхонсу расположена возле озера Супхун в низовьях реки Амнок (водохранилище Бансан) недалеко от границы с КНР. Через территорию ЗЭР проходит автодорога Синийджу – Кангэ, а электроснабжение осуществляется Супхунской ГЭС и электростанцией Тхэпхенман (КНР). Проектом предусмотрено не только строительство туристического комплекса мирового уровня, но и развитие местного животноводства, плодоводства, рыбоводства. ЗЭР Онсонсом

расположена на острове Онсон на реке Туманган у границы с КНР. Проектом предусмотрено строительство ипподрома, площадок для игры в гольф, пляжа, причала для экскурсионных судов, заведений с национальной кухней и др. На начальном этапе электро- и теплоснабжение планируется получать со стороны КНР. Также планом развития зоны предусмотрено строительство моста, соединяющего КНДР и КНР, а также сооружений для таможенного, пограничного и карантинного контроля.

Как отмечалось выше, в настоящее время в отношении КНДР действует ряд международных санкций. Впервые санкции против КНДР были введены в 2006 г., после первого успешного испытания северокорейского ядерного оружия. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1718 потребовала от руководства КНДР прекратить ядерные испытания и запретила экспорт в страну ряда наименований военной техники, а также предметов роскоши. Для контроля за соблюдением санкционного режима был создан Комитет Совета Безопасности ООН по санкциям в отношении КНДР. Так как испытания ядерного оружия не прекратились, в последующие годы Совет Безопасности ООН расширил и ужесточил санкции в отношении КНДР.

Создание новых ЗЭР на территории КНДР совпало во времени с расширением и ужесточением международных санкций. Так, в соответствии с резолюцией № 2094 (март 2013 г.) были введены санкции в отношении денежных переводов, поступающих в КНДР из международной финансовой системы. Резолюцией № 2270 (март 2016 г.) был запрещён экспорт из КНДР золота, ванадия, титана, редких и редкоземельных металлов, а также угля и железа в целях извлечения прибыли. Резолюция № 2321 (ноябрь 2016 г.) ограничила экспорт угля, а также запретила экспорт меди, никеля, цинка и серебра. Последовавшие резолюции Совета Безопасности ООН № 2345, 2356, 2371, 2375, 2397, 2407 и 2464 предполагают полный запрет на создание совместных предприятий с участием северокорейского капитала, вывоз из КНДР её основных экспортных товаров, ограничения на импорт нефтепродуктов и использование за рубежом северокорейской рабочей силы. Введённые санкции действуют до 24 апреля 2020 г.

Как отмечалось выше, Министерство внешнеэкономических связей КНДР не предоставляет актуальную информацию о функционировании ЗЭР в условиях международных санкций. Однако, учитывая все имеющиеся ограничительные меры (создание совместных предприятий, экспорт товаров из КНДР, импорт необходимых материалов и международные финансовые транзакции в соответствии с санкциями запрещены), можно сделать вывод о том, что развитие ЗЭР в соответствии с предусмотренными планами в современных условиях невозможно.

Также одной из главных проблем является электроснабжение. Основной объём производства электроэнергии в КНДР обеспечивают ГЭС (76%) с присущей им сезонностью (засушливая зима и резкое сокращение выработки). Они находятся в совместной корейской и китайской собственности, расположены в приграничных с Китаем районах. Электростанции являются устаревшими и характеризуются низкой эффективностью, требуется их реконструкция и модернизация. Единственный в стране нефтеперерабатывающий завод «Понхва» мощностью 2 млн т работает на импортной нефти [2]. Однако в соответствии с пунктом 5 резолюции Совета Безопасности ООН № 2397 (2017 г.) общий объём поставки, продажи или передачи в КНДР государствами – членами ООН всех продуктов переработки нефти не должен превышать 500 000 баррелей (примерно 68 200 т) в год. Этого объёма явно недостаточно для завода «Понхва» и экономики КНДР в целом. И хотя руководство страны не сообщало о проблемах с электроснабжением, западные эксперты заявляют о перебоях в работе главных электростанций и промышленных предприятий КНДР [11].

Заключение

По данным Министерства внешнеэкономических связей КНДР, в настоящее время на территории страны функционируют 23 ЗЭР. Две (Расон и Хвангымпхён – Вихва) были созданы до принятия нового закона, остальные – в 2013–2015 гг. Межкорейские зоны Кэсон и Кымгансан остановили деятельность в 2016 г., а проект Синийджу был заморожен до 2014 г., когда он был пересмотрен в рамках нового закона. Создание новых зон совпало с периодом расширения и ужесточения международных санкций в отношении КНДР. Все проекты ориентированы в основном на иностранных инвесторов и требуют значительных вложений (от 40 до 240 млн долларов США), однако в условиях санкций обеспечить их финансирование невозможно. Запрет на экспорт товаров из КНДР и импорт необходимых материалов, а также ограничения в энергетической системе страны не только сдерживают функционирование ранее созданных ЗЭР, но и делают невозможным развитие новых зон.

Таким образом, в настоящее время перспективы функционирования ЗЭР на территории КНДР и возможность участия российских компаний в данных проектах полностью определяются внешнеполитической обстановкой в регионе и процессом денуклеаризации страны.

Список литературы

1. Асмолов К.В. Кэсонский комплекс: бизнесмены не теряют надежды. URL: <https://ru.journal-neo.org/2018/08/19/ke-sonskij-kompleks-biznesmeny-ne-teryayut-nadezhdy/> (дата обращения: 04.05.2019).
2. Бардаль А.Б., Демьяненко А.Н., Дёмина О.В., Дёмина Я.В., Ломакина Н.В., Минакир П.А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36. DOI: 10.14530/reg.2018.6.18
3. Захарова Л.В. Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 81–97.
4. Захарова Л.В. Зоны экономического развития КНДР: статус и перспективы // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 238–248.
5. Захарова Л.В. Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 101–111.
6. Южная Корея может «разморозить» Кэсонский промышленный комплекс в КНДР. URL: <https://regnum.ru/news/2548076.html> (дата обращения: 18.04.2019).
7. Abrahamian A., See G.K., Xingyu W. The ABCs of North Korea's SEZs. Washington, DC: US-Korea Institute at SAIS, 2014. 38 p.
8. Cha M.C. International Special Tourism Zone to Be Built. URL: <http://www.pyongyangtimes.com.kp/?bbs=20222> (дата обращения: 01.05.2019).
9. Lim H.Y., Kim J. DPRK's Special Economic Zone Policies: Recent Development and Future Challenges // KIEP World Economy Update. 2015. Vol. 5. № 16.
10. Mimura M. The Newly Created Economic Development Zones in the Democratic People's Republic of Korea: in Relation to the New Economic Policy under the Kim Jong Un Government // The Northeast Asian Economic Review. 2015. Vol. 3. № 1. Pp. 27–37.
11. Ryall J. From Paper to Fuel, North Koreans Endure Widespread Shortages as Sanctions Take Their Toll. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/02/23/paper-fuel-north-koreans-endure-widespread-shortages-sanctions/> (дата обращения: 19.06.2019).

References

1. Asmolov K.V. *Kaesong Complex: Businessmen Do Not Lose Hope*. Available at: <https://ru.journal-neo.org/2018/08/19/ke-sonskij-kompleks-biznesmeny-ne-teryayut-nadezhdy/> (accessed 4 May 2019). (In Russian)
2. Bardal A.B., Demyanenko A.N., Dyomina O.V., Dyomina Y.V., Lomakina N.V., Minakir P.A. About the Trilateral Economic Cooperation of Republic of Korea, DPRK, and Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 18–36. DOI: 10.14530/reg.2018.6.18 (In Russian)
3. Zakharova L.V. Foreign Economic Relations of DPRK in XXI Century and Prospects of Their Development under Kim Jong-un. *Problemy Dalnego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 2013. No. 4. Pp. 81–97. (In Russian)
4. Zakharova L.V. Economic Development Zones in the DPRK: Status and Prospects. In: *Korean Peninsula in an Era of Change*. Moscow, 2016. Pp. 238–248. (In Russian)
5. Zakharova L.V. Inter-Korean Economic Ties after the «Sanctions of May 24, 2010». *Problemy Dalnego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 2016. No. 3. Pp. 101–111. (In Russian)
6. *South Korea Can «Unfreeze» the Kaesong Industrial Complex in the DPRK*. Available at: <https://regnum.ru/news/2548076.html> (accessed 18 April 2019). (In Russian)
7. Abrahamian A., See G.K., Xingyu W. *The ABCs of North Korea's SEZs*. Washington, DC: US-Korea Institute at SAIS, 2014. 38 p.
8. Cha M.C. *International Special Tourism Zone to Be Built*. Available at: <http://www.pyongyangtimes.com.kp/?bbs=20222> (accessed 1 May 2019).
9. Lim H.Y., Kim J. DPRK's Special Economic Zone Policies: Recent Development and Future Challenges. *KIEP World Economy Update*. 2015. Vol. 5. No. 16.
10. Mimura M. The Newly Created Economic Development Zones in the Democratic People's Republic of Korea: in Relation to the New Economic Policy under the Kim Jong Un Government. *The Northeast Asian Economic Review*. 2015. Vol. 3. No. 1. Pp. 27–37.
11. Ryall J. *From Paper to Fuel, North Koreans Endure Widespread Shortages as Sanctions Take Their Toll*. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/02/23/paper-fuel-north-koreans-endure-widespread-shortages-sanctions/> (accessed 19 June 2019).

■ ■ ■
Для цитирования:

Дёмина Я.В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 64–75. DOI: [10.14530/reg.2019.4.64](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.64)

For citing:

Dyomina Ya.V. Economic Development Zones in the DPRK: Prospects under International Sanctions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 64–75 (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.4.64](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.64)

Regionalistica **[Regionalistics]**

2019 Vol. 6 No. 4

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФЦ77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 225-404
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

© The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2019

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *A.N. Demyanenko*,
Doctor of Geography, Professor

Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
K.V. Grigorichev, Doctor of Sociology (Irkutsk, Russia)
S.G. Kirdina-Chandler, Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
E.O. Leontyeva, Doctor of Sociology (Khabarovsk, Russia)
A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.M. Prokapalo, Doctor of Economics (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor,
Khabarovsk, Russia)
M.Yu. Urnov, Doctor of Political Science (Moscow, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir*,
Academician RAS

L.E. Blyakher, Doctor of Philosophy (Khabarovsk, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar,
Russia)
S.V. Sevastianov, Doctor of Political Science (Vladivostok, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)